

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

**БИСМАРК
КАК ДИПЛОМАТ**

ОГИЗ · СОЦЭКГИЗ · 1940

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

БИСМАРК КАК ДИПЛОМАТ

Вступительная статья к книге
„МЫСЛИ И ВОСПОМИНАНИЯ“ О. БИСМАРКА

(БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ)

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1940

9(431)4
Е 79 ДОб. 92

А. Ерусалимский. Бисмарк как дипломат. Соцэкгиз. 1940.

Редактор В. Гиндин
Техред О. Гурова
Корректор В. Матисен

Сдано в набор 21/X 1940 г. Подписано в печ. 6/XI 1940 г. Формат 84×108^{1/2}.
Печ. л. 3^{1/4}. Уч.-авт. л. 3,120. Тираж 100.000 экз. Огиз № 2285. Зак. № 4206.
А33165. Цена книги 60 коп.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва,
Валовая, 28.

«Мысли и воспоминания» Бисмарка — это не столько воспоминания, сколько мысли, изложением которых закончил свою продолжительную политическую жизнь один из крупнейших государственных деятелей Европы второй половины XIX века. Политические деятели дворянства и буржуазии, когда они составляют свои мемуары, преследуют обычно определенную, более или менее ясно выраженную цель. Одни пытаются задним числом свести счеты со своими политическими противниками; другие стремятся приоткрыть завесу над некоторыми до толе неизвестными событиями, в которых они участвовали или к которым имели то или иное отношение; третьи хотят напомнить современникам и потомству о своих подлинных или мнимых подвигах и заслугах. Но все они прежде всего стремятся оправдать свою собственную политическую деятельность, показав в убедительном или привлекательном свете ее подлинные или позднее придуманные мотивы. С этой целью мемуаристы обычно замалчивают одни факты, излишне подчеркивают другие, пронизывают все определенной тенденцией и вдобавок пытаются всему этому придать черты достоверности и убедительности. Таким образом, мемуары — это прежде всего апологетический документ, где автор имеет возможность выступить в качестве своего собственного адвоката и судьи одновременно. Дело историка дать мемуарам критическую оценку.

«Мысли и воспоминания» Бисмарка — это не только апологетический документ. Это прежде всего политическое завещание основателя Германской империи, написанное, как гласит посвящение, «сынам и внукам для понимания прошлого и в поучение на будущее». Свои обширные трехтомные воспоминания Бисмарк начал писать вскоре после вынужденной отставки в 1890 г. Уединившись в Саксонском лесу, в одном из своих имений, он вел оттуда борьбу против так называемого «нового курса», взятого молодым Вильгельмом II и новым канцлером Каприви. Охваченный тревогой за судьбы империи, в создании которой он принимал

столь большое участие, обиженный своей отставкой, недовольный и фрондирующий, — он посвятил последние годы своей жизни составлению политического завещания¹. Оглядываясь назад, подводя итоги своей долголетней политической деятельности, Бисмарк пытался не только оправдать ее перед современниками, но и предостеречь на основе собственного политического опыта своих преемников от возможных ошибок. А опыт этот был огромен и многообразен.

I

Бисмарк прошел большую жизнь. Он родился в 1815 г. Европа в этом году окончательно сбросила с себя владычество Наполеона. На Венском конгрессе² по-новому перекроили политическую карту европейского континента. Гнетущая реакция, воцарившаяся под эгидой Священного союза³, стремилась преодолеть веяния Французской бур-

¹ К работе над «Мыслями и воспоминаниями» Бисмарк приступил тотчас же после отставки. Как сообщает профессор Коль, немецкий издатель и комментатор мемуаров Бисмарка, последний уже в июле 1890 г. передал издательству Котта право издания своего труда. Вскоре Бисмарк начал диктовать свои воспоминания почти постоянно гостившему у него Лотару Бухеру — некогда, в 1848 г., участнику революционного движения, а затем ставшему близким, доверенным лицом Бисмарка. Стенографические записи, сделанные Лотаром Бухером, явились основой первого наброска, над которым Бисмарк впоследствии много и тщательно работал, внося дополнения, исправления и пр. В 1893 г. по первоначальной рукописи был изготовлен типографский макет «Мыслей и воспоминаний», который Бисмарк снова два или три раза перерабатывал, внося не только отдельные изменения, но и переделывая целые главы. Большую часть работы Бисмарк, повидимому, считал законченной. Первые два тома «Мыслей и воспоминаний» вышли в свет через несколько месяцев после смерти автора (1898 г.). Третий том, посвященный резкой характеристике Вильгельма II и острой критике его политического курса, должен был, согласно воле Бисмарка, выйти в свет лишь после смерти Вильгельма. Однако вскоре после ноябрьской революции в Германии (1918 г.) и отречения Вильгельма издатели, вопреки протестам наследников Бисмарка, опубликовали этот том как самостоятельное издание. Приводимого нами в тексте посвящения в первом немецком издании не было. Оно было впоследствии обнаружено в бумагах Бисмарка и напечатано во втором и в последующих изданиях «Мыслей и воспоминаний».

² Венский конгресс — конгресс европейских государств в Вене, заседавший с ноября 1814 г. по июнь 1815 г. Фактическими вершителями судеб на конгрессе были Англия, Россия и Пруссия. На Венском конгрессе были установлены основы той реакционной политической системы, которая господствовала в Европе на протяжении ряда десятилетий. Конгресс закрепил территориально политическую раздробленность Германии.

³ Священный союз — соглашение России, Австрии и Пруссии, заключенное 26 сентября 1815 г. в Париже после победы над Наполео-

жуазной революции XVIII века, пронесшиеся над миром. Реакция пыталась в самом зародыше задушить пробуждающееся национально-освободительное движение.

Бисмарк был современником ряда европейских революций, сам являлся участником — на стороне реакции — многих классовых битв. Бисмарк был современником всех войн, происходивших после низвержения Наполеона I, вплоть до конца XIX века. Он сам являлся активным организатором нескольких войн, в огне которых завершилось воссоединение Германии. Бисмарк родился на заре капиталистического развития Пруссии. Он умер, когда капитализм уже вступил в последнюю, империалистическую стадию развития, стадию загнивания, когда буржуазия из страха перед поднимающимся рабочим классом окончательно перешла в лагерь реакции и стала поддерживать те самые силы, против которых некогда боролась. Бисмарк умер в июле 1898 г., почти на самом рубеже нового века. Он умер тогда, когда разразилась война между молодой империалистической державой — США и старой колониальной державой — Испанией; эта война являлась предзнаменованием того — только впоследствии осмысленного — факта, что закончился один период новейшей истории — период завершения территориального раздела мира — и начался новый период — период передела мира путем империалистических войн. Вдохновитель и организатор борьбы против рабочего и социалистического движения, Бисмарк умер всего лишь за семь лет до того времени, когда на востоке Европы вспыхнула в 1905 г. революционная зарница — предвестница победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Бисмарк, таким образом, прошел очень большую жизнь, и даже простое повествование о всех событиях его времени представляло бы несомненный интерес. Но Бисмарк был не только свидетелем, но и активным участником многих крупнейших политических событий, в особенности второй половины XIX столетия. Его историческую роль кратко, но ярко и предельно точно обрисовал Ленин в следующих

ном I. Союзники обязались в вопросах своей внутренней и внешней политики держаться предначертаний «святой религии, справедливости и мира». Беспощадное подавление общими силами всякого революционного движения составило основу практической деятельности Священного союза и превратило его в опору европейской реакции. Хотя к Священному союзу присоединились почти все европейские государства, его вдохновителями и руководителями оставались указанные три державы. Священный союз фактически перестал существовать в конце 20-х годов XIX века.

словах: «Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное историческое дело». «Объединение Германии было необходимо... Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контр-революционно, по-юнкерски»¹. Этого воссоединения Германии Бисмарк добился путем войн — сначала с Данией (1864 г.), потом с Австрией (1866 г.), наконец, с Францией (1870—1871 гг.), — и в последние годы своей жизни он не без гордости отмечал, что на его совести лежат три войны и восемьдесят тысяч жизней, скрепивших своею кровью фундамент воссоединенной Германской империи. Уже в организации и в проведении этих войн раскрылся его несомненный талант политика и дипломата.

II

Дипломатические способности Бисмарка обнаружились не сразу. На пути к политической и дипломатической карьере, о которой он начал уже рано мечтать, лежал ряд препятствий. В семье Бисмарка не было никаких традиций дипломатической службы. Его отец, Фердинанд Бисмарк, был типичный остэльбский юнкер, ничем не выделявшийся среди представителей своего класса. Он хозяйствовал в своем родовом имении Шенгаузен, повидимому, не очень удачно. В руководящих бюрократических кругах иностранного ведомства довольно презрительно относились к отпрыскам старомодного провинциального юнкерства и не слишком охотно допускали их на дипломатическую службу. Бисмарк впоследствии жаловался, что в дни его молодости наиболее крупные дипломатические посты в Пруссии занимали люди, носившие иностранные фамилии, а если встречались немцы, то чаще всего непрусского происхождения. Более всего ценилось отличное знание французского языка, и впоследствии Бисмарк с горечью писал, что владение этим языком хотя бы в объеме знаний обер-кельнера давало значительные преимущества в смысле продвижения по должности на дипломатической службе. Семейные традиции скорее могли склонить молодого Бисмарка к мысли о военной карьере. На протяжении последних трех столетий предки Бисмарка принимали участие во всех войнах против Франции. Его отец вместе с шестью другими родственниками участвовал в войнах с Наполеоном. Впоследствии Бисмарк неоднократно высказывал сожаление, что не выбрал карьеры

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 82, 92.

военного. Он винил в этом свою мать, вышедшую из чиновничьей, профессорской семьи; в качестве бюргерки она не разделяла военных склонностей молодого юнкера и предпочитала видеть своего сына преуспевающим на дипломатическом поприще. Повидимому, под ее влиянием молодой Бисмарк, окончив сначала школу, а затем проучившись правоведению в Геттингенском и в Берлинском университетах, и начал стучаться в двери дипломатического ведомства. Встретив там более чем холодный прием и не имея поддержки со стороны необходимых в таких случаях влиятельных тетюшек или бабушек, Отто Бисмарк вынужден был добиваться своей цели окольным путем: он поступил в чиновники судебного, а затем административного ведомства. Служба вскоре начала его тяготить. Его огромное рано пробудившееся честолюбие не позволяло ему примириться с подчиненным положением. После некоторых столкновений с начальством он отказался от должности. Молодого юнкера потянуло в свое имение. В 1839 г. он получил от своего отца в управление имение в Померании и на этом поприще добился значительных успехов. Революция, вспыхнувшая в марте 1848 г., застала его в имении Шенгаузен преуспевающим помещиком, сумевшим неплохо использовать новшества, внесенные в сельское хозяйство агрохимией Либиха.

К этому времени Бисмарк имел уже вполне сложившиеся политические взгляды. Он давно и окончательно распрощался с мимолетными туманными полуреспубликанскими увлечениями своей ранней молодости и стал убежденным монархистом. Если он тогда чем-либо выделялся среди представителей своего класса, то только своенравием сильного характера, резкостью и подчеркнутой, порой грубоватой, прямоотой. Страстный охотник и дуэлянт, он в ту пору снискал в своей округе прозвище «дикого». Ничто еще не предвещало тогда, что Бисмарк станет одним из крупнейших политических деятелей и дипломатов своего времени. Все же основные черты его будущего облика — и прежде всего презрение к человеческим иллюзиям, огромная воля, непринужденность в приемах и, наконец, физическая выносливость — сложились уже тогда. Его первое выступление в мае 1847 г. в Соединенном ландтаге ¹, в котором он участво-

¹ Соединенный ландтаг — феодально-сословное собрание, созданное в Пруссии 11 апреля 1847 г. Образован путем слияния восьми провинциальных ландтагов. Делился на две курии: в одну курию входили представители высшей знати, а в другую — сословные представители

вал в качестве «запасного» депутата, привлекло к нему внимание. Молодой депутат, сидевший на крайне правых скамьях ландтага, открыто порвал с весьма умеренной дворянской оппозицией, которая в адресе королю пыталась напомнить о необходимости даровать некоторые, впрочем, весьма ограниченные, «права». Именно тогда король Фридрих-Вильгельм IV заявил, что «никакой силе в мире не удастся превратить естественные отношения между князем и народом в условные, конституционные, — и никогда я не допущу, чтобы между нашим создателем на небе и этой землею встал исписанный лист бумаги». Выступивший в прениях молодой Бисмарк в резких выражениях обрушился на оппозицию, в защиту прав короля.

В марте 1848 г., вслед за революцией во Франции, вспыхнула революция и в Германии. Бисмарк реагировал на нее, как человек, инстинктивно хватающийся за оружие, когда видит, что ему угрожает опасность. Он бросается в Берлин, чтобы побудить испугавшегося короля к активным действиям. Потерпев неудачу, он становится более роялистом, чем сам король. Он связывается с принцем Прусским Вильгельмом (прозванным «картечный принц») и побуждает его к активным действиям в защиту растерявшейся королевской власти. Лично или через посредство доверенных лиц он связывается с некоторыми представителями генералитета прусской армии, пытается и их убедить в том, что войска должны выступить в защиту королевской власти, но неудачно. До этого он пытался поднять в своей округе крестьянскую Вандею, но и это окончилось неудачей. В этот период ультра-роялистские настроения Бисмарка настолько сильны, что даже король, опасаясь скомпрометировать себя, вынужден избегать встреч с ним.

Приглядываясь к ходу событий, Бисмарк вскоре мог убедиться, что его мечты об укреплении дворянского землевладения в монархии, об укреплении монархии в Пруссии и об укреплении Пруссии в Германии имеют все же значительные шансы быть осуществленными. Либеральная буржуазия, собравшаяся в Национальном собрании, в церкви

дворянства, городов и крестьян. Созывом Соединенного ландтага Фридрих-Вильгельм IV пытался накануне революции 1848 г. подменить народное представительство, с тем чтобы получить необходимые правительству денежные средства. После того как Соединенный ландтаг отказался утвердить заем, он был распущен 26 июня 1847 г. Второй Соединенный ландтаг был созван 2 апреля 1848 г. Он принял избирательный закон для выборов в Учредительное собрание.

св. Павла во Франкфурте-на-Майне, перепуганная первыми самостоятельными выступлениями рабочего класса, оказалась неспособной к революционному действию. «История прусской, как и вообще немецкой буржуазии с марта по декабрь, — писал тогда Маркс в «Новой Рейнской газете», — доказывает, что в Германии чисто буржуазная революция и создание буржуазной власти в форме конституционной монархии невозможны, что возможна только либо феодально-абсолютистская контр-революция, либо социально-республиканская революция»¹. Первая победила, вторая потерпела поражение. Это в большой мере определило будущие пути воссоединения Германии.

III

Уже в период революции 1848 г. у Бисмарка в полной мере обнаружились те черты, которые в последующем оказались столь характерными для его деятельности: уверенность в своих силах, презрение к парламентской болтовне, умение довольно точно оценить силы противников. В ответ на шумную обструкцию, устроенную оппозицией во время его первого выступления в Соединенном ландтаге, он спокойно бросил в лицо своим врагам уничтожающую реплику: «В нечленораздельных звуках я не вижу аргументов». Несколько позднее, глядя на то, как легко трусливая либеральная буржуазия стала сдавать свои позиции перед наступающей реакцией, Бисмарк высказал сожаление, что правительство не смогло в полной мере проявить свою силу и, таким образом, еще более укрепить свое положение. «Насколько иначе, — писал он в письме к жене, — сложилось бы политическое положение правительства, если бы дело дошло хотя бы до маленькой стычки, и Берлин был бы взят не на основе капитуляции, а с боя». Уже в ту пору главным аргументом для него была *сила*: в ней он видел альфу и омегу всякого политического и дипломатического успеха. Несколько позднее он заявлял: «Германский вопрос не может быть разрешен в парламентах, а только дипломатией и на поле битвы, и все, что мы до сих пор болтаем и решаем, стоит не намного больше лунных мечтаний сентиментального юноши». Вскоре после своего назначения министром-президентом Пруссии (1862 г.) Бисмарк формулирует свою позицию: «Германия смотрит не на либерализм Пруссии, а на ее мощь. Великие вопросы времени решаются не речами

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 72.

и парламентскими резолюциями, — это была ошибка 1848—1849 гг., — а железом и кровью»¹. Еще позднее, в 1864 г., Бисмарк заявил: «Вопросы государственного права в последнем счете решаются при помощи штыков». В своих «Мыслях и воспоминаниях» он пытается дать этим своим взглядам теоретическое обоснование.

Если его взгляды на роль *силы*, как решающего аргумента в политической и дипломатической борьбе, сложились еще в период революции 1848 г., то понимание роли силы в воссоединении Германии под гегемонией Пруссии пришло позднее. Германия была раздроблена на ряд мелких государств и княжеств. Некоторые из них были настолько малы, что, по выражению Гейне, их можно было унести на подошве сапог. Среди десятков раздробленных государств главную роль играла Австрия, между тем как Пруссия должна была довольствоваться более скромным положением. В 1848 г. Бисмарк не помышлял еще о том, чтобы одна Пруссия взяла на себя миссию воссоединения Германии и вытеснила габсбургскую Австрию. Он считал нужным проглотить позор Ольмюцкого соглашения², когда Австрия при помощи России заставила Пруссию отказаться от подобных поползновений и закрепила за собою преобладающее влияние. Немалую роль тут сыграл учет реального соотношения сил. Пруссия, считал он, слабее, и она должна отступить, пока не успеет вооружиться и тем самым в будущем заставить Австрию и все другие немецкие государства считаться с собою. В этой связи он позднее формулировал основные задачи прусской дипломатии: «Не было бы чрезмерным требовать от нашей дипломатии, чтобы она по мере надобности откладывала, предупреждала или вызывала войну». Однако окончательное и ясное понимание путей воссоединения Германии под гегемонией Пруссии за счет вытеснения преобладающего влияния Австрии пришло после того, как ему, наконец-то, удалось вступить на дипломатическое поприще.

В мае 1851 г. Бисмарк получил назначение на пост сначала советника, а затем — посланника Пруссии при Союзном

¹ Следует отметить, что подобную фразу Бисмарк употребил в одном письме еще в 1858 г., но только в латинской редакции: «igni et ferro» («огнем и железом»).

² В г. Ольмюце (Моравия) 29 ноября 1850 г. было заключено соглашение между Пруссией, Россией и Австрией. По этому соглашению Пруссия под давлением России отказалась от попыток объединить Германию под своим главенством и соглашалась на восстановление Германского союза в старом виде, т. е. при фактическом преобладании Австрии. Этот договор был серьезным поражением Пруссии.

сейме во Франкфурте-на-Майне¹. Повидимому, именно благодаря своим ультрароялистским взглядам он оказался подходящим кандидатом на этот пост. Очевидно, считали, что этот «сильный человек» будет энергично отстаивать в Союзном сейме интересы Пруссии.

Здесь на собственном повседневном опыте, непосредственно столкнувшись со всем сложным переплетом отношений между отдельными германскими государствами, Бисмарк сумел создать себе политическую концепцию, которой остался верен и впредь и которую последовательно осуществлял. Будучи на голову выше окружающих его руководящих политических деятелей Германии того времени, он понял объективные задачи, которые выдвигались ходом исторического развития. Сложившуюся тогда внутреннюю обстановку в Германии Ленин впоследствии характеризовал так: «На очереди стоял вопрос объединения Германии. Оно могло совершиться, при тогдашнем соотношении классов, двояко: либо путем революции, руководимой пролетариатом и создающей всенемецкую республику, либо путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию прусских помещиков в объединенной Германии»². Бисмарк понял историческую неизбежность объединения Германии: чтобы сохранить монархию и дворянство, нужно было, чтобы эти силы сами возглавили дело национального воссоединения, чтобы они заставили буржуазию покорно следовать за собою. Он понял также, что на этом пути столкновение между двумя немецкими государствами — Пруссией и Австрией — неизбежно. Поняв это, Бисмарк стал настойчиво и последовательно подготавливать столкновение, которое

¹ В первой половине XIX века Германия продолжала находиться в состоянии феодальной раздробленности. До уничтожения средневековой Германской империи (1806 г.) на территории Германии существовало несколько сот самостоятельных государств. В результате ряда преобразований в начале XIX века их число значительно уменьшилось. По постановлению Венского конгресса 38 самостоятельных государств были в 1815 г. формально объединены в Германский союз, не имевший по существу никакой реальной власти. Единственным центральным органом союза был Союзный сейм, заседавший в городе Франкфурте-на-Майне; председательствовала в нем Австрия. Союзный сейм не был обычным представительным учреждением, это была лишь конференция представителей государств — членов Германского союза. Создание Германского союза отнюдь не означало воссоединения страны в самостоятельное государство, — Союз был скорее помехой на пути к этому. Он прекратил свою деятельность во время революции 1848 г., был восстановлен в 1850 г. и окончательно уничтожен в 1866 г.

² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 547.

должно было стать одним из существенных этапов на пути к воссоединению Германии на юнкерско-династической основе, под главенством Пруссии. Таким образом, он готовился к роли не только могильщика, но и душеприказчика половинчатой революции 1848 г.

IV

Важно отметить, что, осознав эту историческую задачу, Бисмарк вместе с тем понял, какое значение для ее разрешения имеет международная политическая обстановка. К созданию наиболее благоприятных международных условий и была направлена его деятельность как политика и дипломата. Это был период, когда не только окончательно сложились, но и полностью раскрылись основные черты бисмарковской дипломатии. Как дипломат Бисмарк прошел хорошую школу. В течение восьми лет своего пребывания во Франкфурте, в этой, по выражению Бисмарка, «лисьей норе Союзного сейма», он имел возможность самым тщательным образом изучить «все ходы и выходы вплоть до малейших лазеек», все сложные дипломатические хитросплетения, возникающие из противоречивых интересов отдельных германских государств. Он мог учиться у своих собственных соперников в Союзном сейме; австрийская дипломатия, прошедшая школу Меттерниха¹, имела огромный опыт по части хитроумных интриг. Его кратковременное пребывание в Вене, в этой, по словам прусского короля, высшей школе дипломатического искусства, также имело в этом смысле немалое значение. Впоследствии, будучи назначен на пост посланника в Петербург (1859—1862 гг.), Бисмарк тщательно изучил опыт русской дипломатии. Вопреки довольно распространенному мнению, здесь было чему учиться, и были люди, у которых можно было учиться. Маркс и Энгельс, которые ненавидели дипломатию царской России, все же очень высоко ценили ее качества. Бисмарк, по собственному его признанию, брал «уроки дипломатического искусства» у Горчакова. Некогда соученик Пушкина по лицею, русский канцлер Горчаков был не только выдающимся оратором, но и одним из наиболее крупных дипломатов своего времени. Бисмарк сумел завоевать доверие Горчакова, и последний охотно предоставлял своему немецкому ученику

¹ Меттерних, Клеменс (1773—1859) — австрийский дипломат и министр. С 1809 по 1848 г. руководил внешней и внутренней политикой Австрии. Инициатор создания Священного союза.

возможность регулярно читать поступающую в Петербург дипломатическую почту. Впоследствии, в период охлаждения русско-германских отношений, Бисмарк оплатил своему русскому учителю немалой толикой ненависти, а Горчаков ответил тем же. В известной степени это объяснялось тем, что оба слишком хорошо познали друг друга. Наконец, в области политической и дипломатической у Бисмарка был еще один образец — Наполеон III. В «Мыслях и воспоминаниях» читатель прочтет много страниц, посвященных рассуждениям Бисмарка о французском бонапартизме, о его исторической природе, о его целях и методах. Будучи прусским посланником в Париже (1862 г.), Бисмарк мог многое заимствовать и из этого арсенала.

Таким образом, в течение одиннадцати лет, предшествовавших тому времени, когда Бисмарк призван был королем на должность министра-президента Пруссии, он имел возможность самым непосредственным образом изучить внешнюю политику и дипломатию трех наиболее крупных европейских держав, окружавших Пруссию: России, Австрии и Франции. Воспринятый им опыт не был, однако, механическим соединением и простой комбинацией приемов. В дипломатии Бисмарка были, несомненно, собственные черты.

Бисмарка, крупнейшего немецкого дипломата второй половины XIX века, часто сравнивают с крупнейшим французским дипломатом начала того же века — Талейраном. Обоим сопутствовал успех, оба хорошо умели скрывать свои мысли, умели использовать в своих интересах противоречия не только в лагере своих противников, но и в лагере своих союзников. Но это были люди совершенно разного типа. Талейран прежде всего был продажен, личный успех для него имел решающее значение. Бисмарк был *лично* безупречно честен, и все попытки со стороны иностранных держав подкупить его оказались тщетными. Он бывал подвержен (особенно в 70—80-х годах) влиянию некоторых германских финансовых групп, но всегда решал вопросы, исходя из государственных интересов, — так, как он их понимал. Он всегда был во власти чувства солдатского долга, нарушение которого рассматривал, как измену. Главным орудием Талейрана была тонкая дипломатическая интрига. Бисмарк от этого орудия не отказывался, но наиболее характерной его чертой была огромная сила воли, которой он порой парализовал своих партнеров. С одними он был подчеркнуто учтив, с другими — прямолинеен и порою даже груб. Он мог приспособиться к каждому, в за-

висимости от того, какое впечатление он хотел оставить для достижения своей цели. Но он всегда находился в состоянии борьбы и готовности к решающему удару. Грамон, французский дипломат, наблюдавший Бисмарка в середине 60-х годов, передает о нем следующие свои впечатления: «Его улыбка всегда ограничивалась лишь *plissure de lèvres* [складкой губ], он никогда не смеялся глазами и говорил, казалось, со стиснутыми зубами, что придавало совершенно особый акцент его французскому языку. Чувствовалось, что он в любой момент готов к борьбе, несмотря на то, что в его поведении заметны были несколько аффектированная легкость в обращении с дипломатическими тайнами и как бы нежелание мешать естественному ходу вещей... Он обнаруживал нетерпение при каждом противоречии и невольно привлекал внимание абсолютностью своих доктрин и смелостью своих мыслей».

Талейран был хитер, и Бисмарк был не лишен этого качества, но дипломатическая сноровка выступала у него в форме простодушия и нарочитой откровенности. Когда ему нужно было, эта откровенность перерастала в прямую угрозу. Так, еще в начале декабря 1862 г. он недвусмысленно дал понять Австрии, к чему клонится его политика в отношении к ней. За четыре года до войны с Австрией он не скрывал ее неизбежности. «Наши отношения, — заявил он австрийскому посланнику графу Карольи, — должны стать либо лучше, либо хуже, чем сейчас. Я готов вместе с вами сделать попытку улучшить их. Если это не удастся из-за вашего отказа, то не рассчитывайте, что нас можно будет связать фразами о дружбе и союзе. Вам придется иметь дело с нами, как с великой европейской державой». Несколько раньше, в июне 1862 г., Бисмарк посетил Лондон и в беседе с Дизраэли¹ раскрыл, со свойственной ему манерой, свои политические планы относительно ближайших лет. «В непродолжительном времени, — заявил он, — я буду вынужден взять на себя руководство политикой Пруссии. Моя первая задача будет заключаться в том, чтобы, с помощью или без помощи ландтага, реорганизовать прусскую армию. Далее, я воспользуюсь первым удобным предлогом для того, чтобы объявить

¹ Дизраэли, Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) — крупнейший английский политический деятель, лидер консерваторов, вдохновитель империалистической политики Англии. В 1852 и 1858—1859 гг. министр, а в 1866—1880 гг. премьер английского правительства. В 1862 г. находился в оппозиции к либеральному правительству Пальмерстона.

войну Австрии, уничтожить Германский союз, подчинить своему влиянию средние и мелкие государства и создать единую Германию под главенством Пруссии. Я приехал сюда затем, чтобы сообщить об этом министрам королевы». На Дизраэли, привыкшего иметь дело в сфере дипломатии с туманными и осторожными формулами, неожиданное заявление Бисмарка произвело, повидимому, сильное впечатление. Он по достоинству оценил эту новую дипломатическую манеру Бисмарка. «Остерегайтесь его, — сказал он одному из своих друзей. — Он говорит, что думает!» Разумеется, это было далеко не всегда так.

В качестве политика и дипломата Бисмарк обладал еще одним, впрочем, необходимым качеством — изумительной выдержкой и самобладанием. Он вовсе не был хладнокровен, скорее горяч, а иногда запальчив. Он давал волю этим чувствам, когда хотел кого-либо запугать. В такие моменты Бисмарк бывал страшен. Граф Андраши, министр иностранных дел Австро-Венгрии, рассказывал, что при переговорах о заключении союза с Германией в 1879 г. ему однажды показалось, что Бисмарк готов его задушить, когда он сопротивлялся некоторым его требованиям. Вскоре, однако, Бисмарк выпустил свою жертву. Поняв, что большего добиться нельзя, Бисмарк рассмеялся и отказался от своих дополнительных требований.

Бисмарк считал, что ненависть — один из самых главных двигателей жизни; он умел ненавидеть и яростно ненавидел своих политических врагов. Но он умел сдерживать свои чувства, подчинять их соображениям политической целесообразности. В особо критические моменты он был подвержен острым нервным припадкам и, по собственному признанию, несколько раз подумывал даже о самоубийстве. Но для внешнего мира эти спады оставались неизвестными.

В конце концов сила воли никогда не покидала Бисмарка. Так было, например, в один из самых решающих дней в современной ему истории Пруссии — в день победы над Австрией (1866 г.). Победа была быстрая и неожиданная по своей решительности. Австрийская армия была разгромлена. Дорога на Вену казалась открытой. Прусский король, который раньше так неохотно решился на войну с Австрией, теперь вместе с высшим командованием хотел во что бы то ни стало вступить победителем в австрийскую столицу. Бисмарк, находившийся при главной квартире, категорически запротестовал. Несмотря на полную победу, он требовал немедленного прекращения войны. В своих «Мыслях и воспоминаниях» он объясняет это тем, что, пощадив побежденную Австрию, он от-

крыл путь к будущему союзу с ней. На самом деле большее значение имели соображения другого порядка. Он опасался, что в случае продвижения прусской армии на Вену Австрия сможет оказать еще некоторое сопротивление. Война может затянуться. Между тем на европейском горизонте, по его наблюдениям, сгущались тучи. Наполеон III, в случае затяжки войны, мог выступить. Русский царь, поздравив Пруссию с победой, выразил надежду, что по отношению к побежденной Австрии будет проявлено великодушие. Это казалось опасным симптомом. Пруссия могла попасть во франко-русские щипцы, — и тогда блестящая победа была бы ликвидирована. Доказывая королю необходимость прекращения войны, Бисмарк устроил истерический припадок, но в конце концов добился своего.

Когда нужно было, Бисмарк умел ограничить свои притязания. И, наоборот, добившись своей цели дипломатическим путем, он считал нужным закрепить ее силой оружия. Стремясь присоединить Шлезвиг-Гольштейн (1863—1864 гг.), он, обеспечив себе поддержку России, мог добиться капитуляции Дании и мирного разрешения конфликта. Однако это не входило в его расчеты. Ему нужно было показать, что Пруссия сильна. «Дайте нам возможность обменяться несколькими пушечными залпами», — обращается он к Горчакову. Вместе с тем Бисмарк умел и выжидать, если к тому были серьезные политические или стратегические основания. Он страстно хотел скорейшей войны против Австрии, но, узнав, что прусская армия не готова, первый настоял на том, чтобы войну оттянуть. В течение нескольких лет он готовил войну против бонапартистской Франции, которая не хотела допустить воссоединения Германии. И когда он увидел, что час настал, — он не захотел медлить. Он считал, что выбор момента для начала войны является одним из решающих факторов ее успеха, — нужно только суметь формальную ответственность за ее возникновение перенести на противника. Это дело дипломатической ловкости, а свое мастерство в этом отношении он показал в истории с фабрикацией эмсской депеши¹. Когда момент наступил, нужно действовать. Раз приняв решение, он никогда не испытывал больше сомнений. «Любая политика, — писал он впоследствии, — луч-

¹ Телеграмма, посланная прусским королем из Эмса 13 июля 1870 г. Бисмарку для передачи в Париж. Бисмарк, сократив текст телеграммы, придав ему смысл, нарочито оскорбительный для французского правительства, и тем самым дал последний повод к объявлению Францией войны Пруссии.

ше политики колебаний». Это, однако, не означает, что в своей политике он был всегда прямолинеен. Как правильно отмечает Рихард Кюльман в своей недавно вышедшей в Германии книге «Дипломаты», Бисмарк имел всегда перед глазами поставленную цель, но для ее достижения он не отказывался идти, в зависимости от условий, и круглыми путями. Его обвиняли в «дьявольской хитрости», — это было преувеличением.

При всем своем, впрочем нарочитом, прямодушии Бисмарк не всегда думал то, что говорил. В течение многих лет он заверял бонапартистскую Францию, лично Наполеона III и его дипломатов в своем самом лучшем расположении к ним. Он сумел добиться настолько близкого доверия, что стали возможны секретные переговоры о взаимных политических и территориальных компенсациях. Инициатива исходила от Бисмарка. Ведя подготовку войны против Австрии с целью вытолкнуть ее из Германского союза, Бисмарк должен был заручиться благожелательным нейтралитетом Франции. Он отправился во Францию и намекнул Наполеону III, что компенсацией за нейтралитет может быть герцогство Люксембургское. Французский император, выслушав Бисмарка, дал понять, что Люксембург — это хорошо, но Люксембург и Бельгия — еще лучше. Позднее переговоры возобновились в Берлине. На сей раз инициатива исходила от французского посланника Бенедетти, который снова поставил вопрос, не согласна ли будет Пруссия предоставить Франции Бельгию. Бисмарк не отказал, но попросил изложить предложенный проект на бумаге. Получив в свои руки этот документ, Бисмарк вскоре дал понять, что он не может согласиться на предложение Франции, ибо не может предоставить ей то, что ему не принадлежит. Но документ оставался лежать в сейфе прусского министерства. Бисмарк извлек его оттуда в 1870 г., тотчас же после того, как Франция объявила Пруссии войну. Тогда Бисмарк передал фотографии этого компрометирующего документа всем главнейшим европейским кабинетам. Одновременно, пользуясь своими связями с редакцией английской газеты «Таймс», он опубликовал этот документ в прессе. Своевременное разоблачение захватнических планов Франции оказало сильное впечатление на общественное мнение, и это имело немалое значение для позиции, которую должно было занять английское правительство по отношению к франко-прусской войне.

Вообще в отличие от Талейрана Бисмарк в своей политической и дипломатической деятельности весьма умело опи-

рался на прессу. Он не любил и даже презирал прессу, но всегда пользовался ею. Газету он как-то назвал большим листом бумаги, испачканным типографской краской. Он знал, что пресса правящих классов продажна, сервильна, чудовищно беспринципна и лжива. Но он знал ее влияние и потому старался воздействовать на нее в нужном для него направлении. В течение многих лет никто не знал, что в молодости, еще будучи депутатом ландтага, Бисмарк, прикрывшись псевдонимом, занимался журналистской деятельностью. В своих фельетонах, острых и беспощадных не только в отношении врагов, но и в отношении друзей, он бичевал пре-
краснодушные и пустые слова. Ему всегда больше импонировали дела. Впоследствии, уже будучи министром и рейхсканцлером, он сумел большую часть прессы поставить себе на службу. В политике и дипломатии он никогда не был журналистом, но зато в журналистике он всегда был политиком и дипломатом. В осуществлении его дипломатических планов пресса всегда выполняла отведенную ей роль. Через ее посредство он предостерегал или разоблачал, приковывал внимание или, наоборот, отвлекал его. Наиболее ответственные статьи писались под его диктовку. Известны случаи, когда статьи, поступавшие в редакции газет, сопровождались указанием, что они должны быть помещены без всяких изменений, как документы государственного значения. Находясь в отставке, Бисмарк не отказался от того орудия, которым в его руках являлась пресса. И тогда он выступал как политик и дипломат. Его главные удары были направлены против «нового курса» внешней политики Германии — курса на сближение с Англией, в ущерб отношениям с Россией. На основании всего исторического прошлого и своего собственного большого политического опыта он предостерегал от этого пути. Вопросу об отношениях между Пруссией-Германией и Россией он всегда придавал огромное значение.

V

Своим большим умом и политической проницательностью Бисмарк уже очень рано постиг, какую роль играет Россия на международной арене. Как политик и дипломат, поставивший перед собой определенную цель, он понял также, что Пруссия никогда не сможет разрешить задачу воссоединения Германии, не сможет стать крупной европейской державой, если не добьется благоприятного к себе отношения со стороны своей великой восточной соседки. Подлинное пони-

мание роли России и задач всемерного укрепления отношений с нею пришло вместе с окончательным формированием его взглядов на пути воссоединения Германии. Это было в годы Крымской войны. Англо-французская коалиция совместно с Турцией и Сардинией ¹ вела войну против России. Она стремилась привлечь на свою сторону и Австрию. Возможности для этого были. Еще в 1849 г., вскоре после того как царские войска под командованием Паскевича, придя на помощь Габсбургской монархии, задушили венгерскую революцию, австрийский канцлер Шварценберг бросил свою знаменитую фразу: «Мы удивим Европу своей неблагодарностью». Эти слова были произнесены в ответ на опасения, не вынуждена ли будет Австрия превратиться в вассала царской России. Теперь, в период Крымской войны, Австрия имела возможность продемонстрировать «неблагодарность»: нацеливаясь на придунайские княжества, она готова была выступить на стороне англо-французской коалиции против России. В таких условиях позиция Пруссии приобрела неожиданно большое значение. Опираясь в Пруссии на либерально-буржуазные элементы и придворную группу, возглавляемую принцессой Прусской, Англия стремилась привлечь Пруссию на свою сторону. Она соблазняла ее «компенсациями» в виде Прибалтики и русской части Польши. В противном случае она угрожала Пруссии блокадой. В конце концов Пруссия согласилась подписать с Австрией конвенцию, направленную против России. Она обязалась выставить на своей восточной границе довольно значительную по тому времени армию. Война между Россией, с одной стороны, Австрией и Пруссией, с другой стороны, все же не вспыхнула. Царское правительство, стремясь избежать войны, вывело свои войска из Молдаво-Валахии.

Какова была в этой обстановке позиция Бисмарка? Воспоминания о недавней роли русской политики в Ольмюцском соглашении могли скорее восстановить Бисмарка против России. И все же Бисмарк протестовал против западнического курса прусской политики. Он противился английским планам расчленения России, которые должны были быть осуществлены с участием Пруссии. Тут сказалось то, что было присуще Бисмарку и в его последующей деятельности: голый политический расчет, сообразный с интересами Пруссии, — так, как он их понимал. «Самое опасное для дипломата, —

¹ Сардинское королевство — ядро будущего итальянского государства.

говорил он впоследствии, — это иметь иллюзии». В данном случае он боролся против распространенных тогда иллюзий о возможности для Пруссии добиться положения великой державы путем благоволения со стороны Лондона, Парижа и Вены. Этого можно было достигнуть только участвуя в соглашении, направленном против России. Это для Пруссии означало, считал Бисмарк, опуститься до положения какого-нибудь индийского вассала, обязанного сражаться в защиту интересов Англии. Территориальные компенсации за счет русских владений, считал далее Бисмарк, как бы они ни были обширны и соблазнительны, Пруссии не нужны. Бисмарк доказывал, что у Пруссии нет никаких оснований воевать с Россией и что даже победоносная война против России в конечном счете принесет Пруссии в будущем огромный политический ущерб: на своей восточной границе Пруссия в таком случае всегда будет ощущать мощное давление со стороны великой державы, готовой к реваншу. К тому же присоединение русской Польши к Пруссии ослабит внутреннее положение в первую очередь самого Прусского государства и даже будет угрожать его целостности. Бисмарк предостерегал, что было бы крупнейшей политической ошибкой третировать «60 миллионов великорусского народа, ...не опасаясь, что он станет верным союзником всякого будущего врага Пруссии».

До войны с Россией дело не дошло, и, казалось бы, Бисмарк мог быть доволен. Но нет, он негодовал по поводу того, что и в данном случае была упущена возможность. Соглашение с Австрией, по которому Пруссия должна была выставить против России большую армию, он расценивал как крупнейшую ошибку, которая, однако, могла быть выгодно использована: стоило только 200-тысячную армию сконцентрировать в Силезии — на стыке границ России и Австрии. Последняя не могла бы протестовать, так как формально дело сводилось лишь к лояльному выполнению Пруссией своих обязательств. Затем, однако, Пруссия должна была, по мнению Бисмарка, направить эту армию не против России, а вместе с Россией против Австрии. Это следовало бы сделать в том случае, считал он, если бы Австрия отказалась предоставить Пруссии гегемонию в Северной Германии. Правда, приходилось считаться с тем, что на стороне Австрии будет находиться англо-французская коалиция, которая и без того угрожала Пруссии блокадой. Но Бисмарк считал, что при добрых отношениях с Россией никакая англо-французская блокада не может быть Пруссии страшна. Вооруженные силы Англии

и Франции, занятые на Черном море против России, не смогли бы оказать на Пруссию никакого давления. Так, идя вместе с Россией, Пруссия могла бы добиться многого.

Бисмарковский план свидетельствовал о том, что у его автора, бесспорно, не было недостатка в решимости. Но страх перед Австрией и западными державами был тогда настолько силен в правящих кругах Пруссии, что этот план был отвергнут. Более того, Пруссии пришлось испытать еще одну чашу унижения: австрийская дипломатия вновь «удивила Европу своей неблагодарностью», на сей раз в отношении Пруссии. По окончании Крымской войны собрался Парижский конгресс (1856 г.). Австрия постаралась не допустить на конгресс Пруссию до тех пор, пока великие державы окончательно не договорились об основных условиях мирного трактата. Пруссии пришлось в передней ожидать, пока великие державы разрешат ей войти туда, где от имени всех германских государств уже выступала Австрия. Прусское правительство добивалось приглашения на конгресс. Оно заранее готово было согласиться на поддержку политики, продиктованной Австрией в угоду западным державам. Бисмарк считал это крупнейшей ошибкой. Он и здесь исходил из интересов Пруссии в ее борьбе за гегемонию среди немецких государств. Слепо следовать за Австрией — это означало, считал тогда Бисмарк, что за входной билет на Парижский конгресс Пруссия должна заплатить последними остатками своей самостоятельности.

Впоследствии, бросая ретроспективный взгляд на пройденный исторический путь, Бисмарк указывал, что в истории Пруссии были еще две возможности возглавить воссоединение Германии. Первая возможность была, по его мнению, в 1848 г.: если бы Пруссия вооруженной силой быстро и решительно подавила тогда революцию у себя и на деле показала решимость сделать то же в других немецких государствах, то отдельные немецкие князья сами приехали бы в Берлин искать спасения под главенством Пруссии. Словом, Пруссия, считал Бисмарк, должна была в отношении остальной Германии выполнить ту же роль, какую царская Россия выполнила в отношении Австрии, когда послала свои войска помочь задуть революцию в Венгрии. Вторая возможность, указывал далее Бисмарк, была упущена после Крымской войны, в период войны между габсбургской Австрией и бонапартистской Францией за господство в Италии (1859 г.). Тогдашнее правительство Пруссии склонно было выступить на стороне Австрии. Бисмарк считал это крупнейшей ошиб-

кой. В этом случае всю тяжесть войны против Франции должна была вынести Пруссия, ибо война развернулась бы на Рейне. С другой стороны, Россия обрушилась бы на Пруссию, желая выместить на ней свою ненависть к Австрии. Таким образом, Пруссии пришлось бы сражаться на два фронта. При этом Австрия постаралась бы оказать давление на ту же Пруссию, чтобы не допустить ее успеха. Итак, Пруссии, считал Бисмарк, пришлось бы при всех условиях расплачиваться и за австро-французские противоречия в Италии и за австро-русские противоречия на Балканах. Ей пришлось бы безнадежно испортить свои отношения с Россией. Во имя каких интересов? Во имя интересов Австрии и Англии?

Бисмарк считал, что предполагавшееся выступление Пруссии на стороне Австрии было бы пагубным. Это выступление, как известно, не состоялось. Во время переговоров Австрия отвергла прусские условия, а тем временем война в Италии закончилась. Немалую роль сыграли и угрозы России, заявившей, что она не допустит вмешательства Пруссии на стороне ненавистной ей Австрии. Таким образом, снова, как и после Крымской войны, Пруссия осталась ни с чем. Бисмарк негодовал. «Моей мыслью было, — писал он впоследствии, — что нам следовало, продолжая вооружаться, предъявить одновременно ультиматум Австрии». Это означало бы удар в спину Австрии, фактический союз с бонапартистской Францией, улучшение отношений с Россией.

И этот план Бисмарка был отвергнут. Впоследствии в правящих сферах решили, повидимому, ближе познакомиться с внешнеполитической программой Бисмарка. Вкратце эту программу можно было бы сформулировать в следующих словах: решительная борьба с Австрией, укрепление отношений с Россией. Эта программа, изложенная Бисмарком на заседании правительства, не встретила в то время поддержки. Кандидатура Бисмарка, закулисно выдвигавшегося на пост министра иностранных дел, отпала. Вскоре, однако, шансы Бисмарка начали подниматься. В стране назревал знаменитый конституционный конфликт¹ между королем и ландтагом. Он был связан с прохождением военного бюджета, представленного правительством и встретившего сильное противодействие в ландтаге. Конфликт был выражением огромной напряженности внутреннеполитических отношений. Обста-

¹ Речь идет о так называемом «конституционном конфликте» в Пруссии в 1862—1866 гг. по вопросу о военном бюджете.

новка в стране накалилась настолько, что король собирался отречься от престола. Некоторые круги рекомендовали ему встать на путь государственного переворота и прямой отмены конституции. Король не решился ни на то, ни на другое. Под влиянием военного министра Роона король согласился призвать на помощь Бисмарка, который в борьбе с ландтагом должен был осуществить политику «сильной руки». 23 сентября 1862 г. Бисмарк был введен в состав правительства и через две недели назначен на пост министра-президента. С этого момента он в течение 28 лет беспрерывно руководил политикой Пруссии, а затем Германской империи.

Нас интересует здесь не его внутренняя, а его внешняя политика, в частности его политика в отношении к России. Поняв необходимость укрепления отношений с Россией, он стал поджидать благоприятного случая и искать к тому возможности. Разумеется, ожидание не было пассивным, а поиски не были слепыми. В недавнем прошлом возможности были упущены, теперь упущенное следовало наверстать.

Среди немецкой буржуазии была крайне непопулярна политика, ставящая своей целью сближение с Россией. Буржуазия усматривала в этом отход от политики, диктуемой западными «либеральными» державами, ущемление интересов немецкой Австрии. Но Бисмарк, который стремился удовлетворить требования буржуазии по-своему, по-юнкерски, вопреки ее воле, и в вопросе об отношении с Россией мало считался с «западническими» настроениями либеральной партии. В качестве основы для сближения Пруссии с Россией Бисмарк выдвинул идею общности династических интересов обеих держав. Когда в русской части Польши вспыхнуло восстание (1863 г.), которое, при поддержке английской и французской прессы, провозгласило лозунг восстановления Польши в границах от Балтийского до Черного моря, Бисмарк понял, что он близок к достижению своей цели. Он предложил царскому правительству заключить военную конвенцию, которая предусматривала возможность совместного подавления польского восстания. Предложение пришлось как нельзя более кстати. Западные державы, Англия и Франция, а под их влиянием и Австрия, предпринимали дипломатическое вмешательство в Петербурге, имевшее целью не столько защитить поляков, сколько подорвать позиции России. Перед взором царской дипломатии промелькнули очертания крымской коалиции. В таких условиях конвенция, предложенная Бисмарком и подписанная с прусской

стороны Альвенслебеном¹, являлась демонстрацией того, что Пруссия на сей раз не идет вместе с западными державами, что она ведет самостоятельную и независимую от Австрии политику, что она становится на сторону России.

Разумеется, в этом своем первом самостоятельном выступлении на международной арене Пруссия исходила из своих собственных интересов. Впоследствии в своем политическом завещании Бисмарк указывал, что всякое правительство должно в своих поступках соотносываться со своими интересами, хотя может прикрывать их различного рода правовыми или сентиментальными соображениями и аргументами. И тогда Бисмарк пошел на подписание конвенции Альвенслебена, потому что опасался возможной вспышки польского восстания в Силезии и Познани. Он опасался, что образование самостоятельной Польши ослабит прежде всего прусское государство. Он подписал конвенцию также потому, что искал случая показать Австрии, что Пруссия не всегда будет тащиться у нее в хвосте. Впоследствии, много лет спустя, Бисмарк раскрыл еще одну цель, которой он добивался, заключая соглашение с Россией: конвенция Альвенслебена, говорил он, окончательно расстроила намечавшееся тогда соглашение между Россией и Францией. К тому же до выполнения условий конвенции дело не дошло: царское правительство само справилось с подавлением восстания. Но главное, к чему в то время стремился Бисмарк, — это сблизиться с Россией. Однако Бисмарк умел своим побуждениям, продиктованным его собственными интересами, придавать форму политической услуги. А за услугу — об этом он неоднократно напоминает в своих «Мыслях и воспоминаниях» — надо платить. Он и потребовал в Петербурге уплаты в виде нейтралитета России в войне Пруссии против Дании.

Этой войной Бисмарк хотел предотвратить намечавшееся, в силу сложившихся условий, превращение герцогств Гольштейна и Шлезвига в самостоятельные государства в составе Германского союза. В этой войне он хотел испытать силу прусской армии, после того как она была реорганизована и увеличена. Он хотел, наконец, осуществить первый этап на пути к воссоединению Германии под главенством Прус-

¹ Так называемая конвенция Альвенслебена заключена между Россией и Пруссией 8 февраля 1863 г., во время польского восстания. Со стороны России подписана Горчаковым, со стороны Пруссии — генералом Альвенслебеном (отсюда ее название). Конвенция предусматривала проведение ряда мер для совместного подавления польского движения.

сии. «Бисмарк взялся за дело, — писал впоследствии Энгельс. — Надлежало повторить государственный переворот Луи Наполеона, воочию показать немецкой буржуазии действительное соотношение сил, силой разрушить ее либеральный самообман, но выполнить ее национальные требования, которые совпадали с прусскими желаниями»¹.

С точки зрения соотношения сил на международной арене выбор момента для удара против Дании был очень удачен. Австрия, не желая предоставить Пруссии одной воспользоваться лаврами военных побед, вынуждена была к ней присоединиться. Бонапартистская Франция увязла в своей мексиканской авантюре². Англия порывалась рычать, но без поддержки какой-либо континентальной державы ничего практически сделать не могла. Ключ находился в руках России. Это признал и сам Бисмарк: «С европейской же точки зрения, — сказал он Горчакову, — все зависит от того, бросит ли Россия свою гирю на чашу весов великого герцога или же ограничится тем, что устранился из спора». Правда, в дипломатических переговорах Бисмарк при случае не лишал себя удовольствия припугнуть царское правительство тем, что Пруссия пойдет на сближение с Францией, которая поднимет польский вопрос, и т. д. Но Горчаков, который видел Бисмарка насквозь, понимал, чего тот хочет. Он понимал также, что польский вопрос имеет для Пруссии не меньшее, а даже большее значение, чем для России. Он не придавал существенного значения угрожающим намекам Бисмарка. Россия устранилась из спора. На то у нее были соображения и внутренне- и внешнеполитического характера, и не о них сейчас идет речь. Важно то, что позиция России в датской войне 1864 г. в значительной степени решила успех Пруссии. А это в свою очередь укрепило Бисмарка в понимании того, как важно для Пруссии поддерживать добрые отношения с восточной соседкой.

Хорошие отношения с Россией были необходимы и для осуществления следующего этапа воссоединения Германии, а именно — для проведения войны против Австрии, фактически из-за вопроса о том, кому быть гегемоном в Германии. В дипломатическом отношении Бисмарк подготовил эту войну, как известно, блестяще. Он связался с Италией, задобрив обещаниями Наполеона III и действовал в уверен-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 473.

² Вооруженная французская интервенция в Мексике в 1862—1867 гг., направленная против республиканского правительства, была организована Наполеоном III.

ности, что Россия не будет склонна спасать Австрию. Значительно хуже в то время было внутреннее положение Пруссии. Среди буржуазии эта война была крайне непопулярна. Но Бисмарк, который, как и в войне с Данией, осуществлял, по словам Энгельса, «волю немецкой буржуазии против ее же воли», мало с этим считался: «На богемских полях сражений была разбита не только Австрия, но и немецкая буржуазия. Бисмарк доказал ей, что он ее выгоды знает лучше ее самой. ...Либеральные притязания буржуазии были надолго похоронены, а ее национальные требования с каждым днем все больше выполнялись. С удивлявшей ее самой быстротой и точностью Бисмарк осуществлял ее национальную программу»¹.

Позиция, занятая Россией в период прусско-австрийской войны, являлась одним из наиболее существенных факторов, определивших успех выполнения этой национальной программы. Бисмарк это понимал и настойчиво добивался благожелательного отношения России к третьему, заключительному акту на пути к воссоединению Германии под главенством Пруссии. Ему нужен был нейтралитет России в предстоящей войне с Францией, не желавшей допустить появления на своих восточных границах сильной воссоединенной Германии. О том, как Бисмарк подготовил эту войну в дипломатическом отношении, он сам довольно подробно рассказывает в своих мемуарах. Позиция России и тут имела решающее значение. Прусская армия под руководством генерала Мольтке неожиданно и быстро разгромила бонапартистскую Францию. Наполеон III, который, со своей стороны, искал войны, ибо видел в ней спасение своей обанкротившейся фирмы, попал в плен к немцам. Вспоминая об этих событиях, Бисмарк замечает, что «действовать медленно было неблагоприятно и опасно с военной и сполитической точки зрения». Центральное расположение Пруссии в Европе, обнаженность ее флангов и сосредоточение подавляющей части ее армии на западе, против Франции — все это требовало стремительной победы; надо было произвести впечатление на нейтральные государства. Это признает и Бисмарк. Успех прусской армии в большой степени определялся тем, что Пруссия могла быть спокойна на своей восточной границе. Путь на Париж оказался бы значительно длиннее, если бы русская армия предприняла марш на Берлин. Это было ясно и тогда, осенью 1870 г., когда разыгрались события. Это было ясно и позднее, спустя четверть века, когда Бисмарк писал свои мемуары.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 479.

Поэтому в обоих случаях он заговорил об «услуге» и о своей готовности ее оказать.

Дело в том, что разгром Франции создал совершенно новую ситуацию в европейской политике. Одна из главнейших участниц крымской коалиции вышла из строя. Система, на которой были воздвигнуты условия Парижского трактата 1856 г., дала значительную трещину. Русская дипломатия поняла, что настал час уничтожить самые унижительные статьи Парижского мира, а именно те статьи, согласно которым Россия не имела права содержать военный флот в Черном море. Горчаков передал европейским державам циркуляр о том, что Россия не может более считать себя лишенной прав на защиту своих черноморских границ. Этот акт вызвал в Англии тревогу и смущение. Английская пресса негодовала, требовала объяснений. Правительство послало за этими объяснениями лорда Одо Росселя, но не в Петербург, а на прусскую главную квартиру — к Бисмарку. В Лондоне поняли дело так, что русский акт об отмене нейтрализации Черного моря — это и есть бисмарковская «услуга». Бисмарк заявил, что ему «ничего не известно». Единственное, что он может порекомендовать англичанам, — это собрать европейскую конференцию. Правительству Гладстона осталось только принять этот совет. В самом деле, что мог противопоставить русской армии английский кабинет? Французская армия была разгромлена, прусская стояла под Парижем и не видела оснований идти на Петербург во имя интересов Англии на Черном море. Не имея возможности воевать чужими руками, правительство Гладстона компенсировало себя тем, что на Лондонской конференции 1871 г. прочитало русскому делегату Бруннову нотацию на тему о вечности договоров и о нежелательности их нарушения. Больше оно ничего сделать не могло. На Бруннова английская нотация никакого впечатления не произвела хотя бы уже потому, что он был стар и ничего не слышал...

В мемуарах Бисмарк освещает свое отношение к акту русской дипломатии, вернувшему России права охранять побережье Черного моря. Бисмарк даже приписывает себе инициативу этого акта. «Немыслимо долгое время, — пишет он, — препятствовать сто миллионному народу осуществлять свои естественные права суверенного владычества над побережьем собственных морей. Длительный сервитут¹ такого рода, какой был предоставлен иностранным государ-

¹ Сервитут — ограничение государственного суверенитета в каком-либо отношении.

ствам на территории России, являлся для великой державы невыносимым унижением. Для нас же, — заключает Бисмарк, — это служило поводом к поддержанию добрых отношений с Россией».

Спору нет, в период образования Германской империи Бисмарк усиленно стремился поддерживать и укреплять отношения с Россией. Страх, обуявший его в связи с Парижской коммуной (он признался, что Коммуна впервые в жизни стоила ему бессонной ночи), послужил дополнительным стимулом к укреплению династических и политических связей с тогдашней Россией. Но несомненно, что уже в начале 70-х годов, вскоре после образования Германской империи, в его политику начали вплетаться новые тенденции, которые с исторической точки зрения представляют тем больший интерес, что в своих «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк предпочитает хранить об этом молчание. Мы имеем в виду его попытки договориться с Англией.

VI

Политика, считал Бисмарк, — это наука о возможном. Выступив на политическую арену в середине XIX века, он вскоре понял не только необходимость воссоединения Германии, но и возможные исторические пути к этому воссоединению. Мировая история, как выразился однажды Энгельс, идет своими путями. Бисмарк воссоединил Германию на прусско-юнкерской основе. Монархист, он решительно отвергал путь революции. Он пошел по другому пути — по пути «революции сверху», по пути внешних войн. Таким образом была создана Германская империя.

Образование империи открыло новую страницу в истории международных и дипломатических отношений Европы. Основная цель, к которой в течение многих лет стремился Бисмарк, была достигнута. Воссоединенная Германия превратилась в могучую державу, призванную играть большую роль на международной арене. Франция была повержена. Ее правящие классы возместили себя победой над Парижской Коммуной. В своей внешней политике реакционная Франция пресмыкалась перед германскими победителями и русским царем. Немецкие либералы, еще недавно на словах негодовавшие по поводу методов «дикого» помещика из Шенгаузена, теперь восхищались им. Удовлетворив национальные требования немецкой буржуазии, юнкер победил ее. Остальное довершил страх, охвативший господ либералов с тех пор, как они узнали, что в Париже провозглашена Коммуна. Бис-

марк не отказался от возможности использовать этот страх. Еще одна Коммуна, заметил он как-то, и у меня вовсе не будет оппозиции.

На восточной границе, со стороны России, не было оснований ждать каких-либо осложнений. Отношения с Австро-Венгрией, которую в войне 1870—1871 гг. Бисмарк сумел нейтрализовать, были удовлетворительными. После отставки австрийского реваншиста графа Бейста министром иностранных дел Габсбургской монархии стал венгерский магнат граф Андраши. Эта смена знаменовала, что в дальнейшем отношения между Пруссией-Германией и недавно потерпевшей поражение Австро-Венгрией будут улучшены. Противоречий с Англией, экономических или колониальных, у новообразовавшейся Германской империи в то время еще не было. Наоборот, влиятельные круги Англии не без симпатии взирали на Германию, в которой хотели видеть противовес своим обоим континентальным соперникам—России и Франции. Казалось, положение молодой империи, а вместе с нею и ее первого канцлера было блестящим. «Я скучаю, — говорил в то время Бисмарк. — Все великие дела свершены. Империя создана. Она признана и уважаема всеми народами. Вражеские коалиции легко предупредить. Охотиться на зайцев у меня нет никакого желания. Вот если бы можно было уложить крупного кабана, — тогда другое дело. Тогда я ожил бы».

Разумеется, это была шутка. Ни международная обстановка, сложившаяся после образования Германской империи, ни политическая и дипломатическая деятельность «железного канцлера» не выглядели столь идиллически. Вовсе не так легко было предупреждать возможные враждебные коалиции, да и со своей стороны канцлер потратил немало усилий, чтобы создать в Европе коалицию под главенством Германии. По словам Петра Шувалова, представлявшего Россию на Берлинском конгрессе, Бисмарк мучился «кошмаром коалиций», и Бисмарк признал справедливость этих слов своего русского друга. Но воля Бисмарка никогда не была парализована этим кошмаром. Зато сам Бисмарк умел гипнотизировать им других. Еще до воссоединения Германии Бисмарк понимал все огромное значение международной обстановки в истории Пруссии. После образования Германской империи он увидел стоящие перед ней новые внешнеполитические задачи. Он считал, что они вытекают из центрального положения Германии в Европе. Он указывал на опасности, которые грозят империи в связи с тем, что ее границы открыты со всех сторон и легко поддаются нападению извне. Стре-

мь одолеть мучивший его «кошмар коалиций», Бисмарк сам создал коалицию, опираясь на которую он и проводил внешнюю политику Германии. В лице Австрии он видел до воссоединения Германской империи такого же устойчивого врага Пруссии, как после воссоединения он видел в ней исторического союзника. С Францией он считал необходимым поддерживать добрые отношения до последнего акта воссоединения Германии, а после разгрома Франции и аннексии Эльзаса и Лотарингии он должен был считаться с ней, как с историческим врагом. «С Францией, — пишет он, — мы никогда не будем жить в мире».

В течение двух десятилетий, со времени образования Германской империи вплоть до своей отставки, Бисмарк вел напряженную борьбу в области внешней политики. Старый и опытный знаток методов, применявшихся в студенческих поединках, он оказался незаурядным мастером и в дипломатическом фехтовании. Пробиваясь к новым целям на арене международной политики, он сумел создать вокруг Германии большую и сложную систему союзов и группировок, перекрываемых к тому же другими комбинациями, имеющими более преходящее значение. Он стремился застраховаться и перестраховаться в различных ситуациях, которые так же быстро возникали, как и рушились. Впоследствии дипломатическое искусство Бисмарка уподобляли искусству опытного жонглера, который играл одновременно пятью шарами, из коих два постоянно находятся в воздухе. В конце концов сложная система, созданная им в области международных отношений, все же не выдержала напора реальных и все более нарастающих империалистических противоречий. В своем политическом завещании Бисмарк мог бы подвести итоги своей собственной конечной неудаче. Бисмарк неоднократно утверждал, что после разгрома Франции и завершения воссоединения Германии он считал империю «насыщенной» и более не нуждающейся в войне. Французская реакция всегда выдвигала лозунги реванша, чтобы укрепить свое положение внутри страны. Со своей стороны Бисмарк мог использовать опасность реванша, постоянно грозившую западным границам Германии, для консолидации установленного режима и для непрерывного укрепления его основы — армии. В новообразованной империи юнкерство сохранило свое положение, а буржуазия не претендовала всерьез на власть. Она вместе с большей частью юнкерства поддерживала Бисмарка. С воссоединением Германии она получила огромный внутренний рынок. Буржуазия имела основание

рассчитывать, что перед ней вскоре откроются и мировые рынки.

Франкфуртский мир¹ стал основой внешней политики бисмарковской Германии. Канцлер стремился увековечить этот мир, ибо он предоставлял Германии значительные привилегии в отношении Франции. Между тем мир, завершивший победу воссоединенной Германии над разгромленной Францией, еще более обострил противоречия, уже ранее существовавшие между этими державами. Присоединение Эльзаса и Лотарингии к Германии еще более углубило пропасть между новой империей и ее западной соседкой. Как заранее предвидел Маркс, оно превратило опасность войны между Францией и Германией «в европейскую институцию».

Еще в 1867 г. Бисмарк заверял англичанина Кингстоуна, что никаких аннексий за счет Франции он производить не собирается. «Мы никогда не начнем войны, — говорил тогда Бисмарк, — потому что нам нечего приобретать. Если предположить, что Франция будет совсем завоевана, а прусские гарнизоны расположены в Париже, то что нам придется делать со своей победой? Ведь не можем же мы захватить Эльзас, ибо эльзасцы стали французами и французами желают остаться». В то время когда эти слова были произнесены, Бисмарк уже готовил войну против Франции, как и последняя, не желая видеть рядом с собою воссоединенную Германию, готовилась к войне с Пруссией. Тем не менее в этих словах Бисмарка была известная доля истины. Бисмарк действительно сначала возражал против аннексии Эльзаса и Лотарингии. Он согласился лишь потому, что на этом решительно настаивал генеральный штаб. В основе лежали мотивы прежде всего стратегического, а также экономического характера. Но Бисмарк, которому нельзя отказать в трезвости взглядов, заранее отдавал себе отчет в том, что означает для внешней политики Германии присоединение Эльзаса и Лотарингии. Вскоре после окончания войны 1870 — 1871 гг. генеральный штаб запросил канцлера, может ли последний гарантировать, что со стороны Франции нет угрозы реванша. Бисмарк ответил, что он может гарантировать обратное, а именно, что новые войны между Францией и Германией неизбежны. Таким образом, после Франкфуртского мира Бисмарк всегда мог быть уверен в том, что в лице Франции любой враг Германии имеет своего потенциального союзника. Это

¹ Франкфуртский мир — мирный договор, подписанный между Германией и Францией после франко-прусской войны, 10 мая 1871 г.

выдвигало перед ним новую задачу: ослабить внутренние силы Франции и изолировать ее на международной арене. Отсюда его стремление предотвратить сближение между реваншистскими элементами Австрии и такими же элементами во Франции. Отсюда же в большой мере и его борьба с католицизмом, который не только прикрывал партикуляристские элементы в самой Германии, но и мог способствовать сближению между антипруссскими элементами внутри Германии, с одной стороны, австрийскими и французскими реваншистами — с другой. В большой мере отсюда же и его стремление укрепить отношения с Россией. Стремление к изоляции Франции и привело Бисмарка к необходимости поддерживать добрые отношения с царской Россией и Габсбургской монархией. Таковы были внешнеполитические результаты проведенной Бисмарком «революции сверху».

В своих мемуарах Бисмарк рассказывает, что еще в разгар кампании против Франции он был озабочен укреплением отношений с Россией и Австро-Венгрией. Таким образом, он стремился не допустить возможного повторения коалиции Кауница¹ — коалиции трех держав: России, Австрии и Франции. Он раскрывает и свою другую затаенную мысль, которой он был занят уже тогда, — привлечь к будущему союзу монархических держав и Италию. Однако Бисмарк не рассказывает, что уже тогда, когда из колыбели войны только еще вставала Германская империя, он искал сближения и с Англией.

Первые попытки имели место еще в те дни, когда лорд Россель явился к Бисмарку требовать объяснений по поводу отмены Россией запрещения содержать военный флот в Черном море. Уже тогда Бисмарк дал понять, что Англию и Австро-Венгрию он рассматривает как естественных союзников Германии. Этот намек сопровождался другим намеком, столь же многозначительным: Бисмарк говорил, что этот союз мог бы быть куплен ценой отказа от дружественных отношений с другими державами. В переговорах с «либеральной» Англией Бисмарк выдвинул на первый план консервативные принципы борьбы против революции и против Интернационала.

Уже в июне 1871 г. Бисмарк через германского посла в Лондоне обращал внимание лорда Гренвиля — англий-

¹ Кауниц — австрийский канцлер в 1753—1792 гг., вдохновитель и организатор антипрусской коалиции в составе Австрии, Саксонии, России, Франции и Швеции. В Семилетней войне (1756—1763 гг.) эта коалиция привела к изоляции Пруссии на континенте и создала серьезную угрозу самому существованию Пруссии.

ского министра иностранных дел — на «моральную ответственность» Англии в связи с тем, что руководящие органы Интернационала имеют свое местопребывание в Лондоне. Это было прелюдией, которая заключала в себе последующие мотивы: Бисмарк зондировал далее, не согласится ли Англия вместе с Германией установить «единый фронт против общей опасности». Один из современных нам немецких историков, Ганс Ротфельс, склонен считать, что Бисмарк таким образом пытался нащупать почву к более широкому политическому сближению с Англией. Попытка окончилась неудачей. Английское правительство ответило тем, что заняло весьма сдержанную позицию. Тогда тот же идеологический щит консервативных начал был повернут в другую сторону. Он стал основой для сближения с царской Россией, а также с габсбургской Австрией. Примерно тогда же Бисмарк в одном секретном документе следующим образом формулировал исходные позиции германской политики: «До той поры, — указывал он, — пока мы не заложили более прочную основу наших отношений с Австрией, до той поры, пока в Англии не укоренилось понимание, что своего единственного, полноценного и надежного союзника на континенте она может обрести в Германии, — наши добрые отношения с Россией имеют для нас самую большую ценность». Рука, которую Бисмарк в 1870 г. предполагал протянуть в сторону Лондона, а в 1871 г. протянул, — осталась висеть в воздухе. Пришлось другой рукой укреплять отношения с Россией. В апреле 1873 г. он говорил русскому дипломату Стремоухову: «Ни одна держава не выказала такой трусости, как Англия (в 1870/71 г.). Ее колебания, ее неискренность дали много доказательств тому, что ее политика лишена твердых и нравственных основ; поэтому можно сказать с уверенностью, что Англия навсегда утратила дружбу, уважение и доверие всего мира».

В тот момент когда эти слова были произнесены, они очень приятно прозвучали для уха русской дипломатии. На это и рассчитывал Бисмарк, ибо он видел напряженность, создавшуюся в отношениях между Англией и Россией на Ближнем Востоке и в особенности в связи с успехами русских войск в Средней Азии. Но Бисмарк стремился укрепить свои отношения с царской Россией не потому, конечно, что ее политика, в противоположность английской, была тверда в своих «нравственных основах». Именно тогда, когда Англия теряла «навсегда дружбу, уважение и доверие всего мира», у Бисмарка, как мы видели, впервые, хотя быть может еще в смутной форме,

зародился план тесного сближения с Англией. План этот не был осуществлен, и одной из причин этого являлось то, что Англия в то время чувствовала себя еще достаточно сильной и мощной державой, чтобы преждевременно не связывать себе руки. К этому союзу Бисмарк предполагал привлечь и Австро-Венгрию, которая независимо от Берлина делала попытку сблизиться с Англией для совместной в будущем борьбы против России на Балканском полуострове. Намечавшееся тогда, правда, в самых общих очертаниях, Тройственное соглашение между Германией, Англией и Австрией было бы, таким образом, направлено не только против Франции, но и против России. Эту комбинацию осуществить не удалось.

Тогда Бисмарк выдвинул на первый план идею общности династических интересов трех восточноевропейских монархий. На этой основе, в известной мере напоминающей принципы Священного союза, он создал союз трех императоров — германского, русского и австрийского (1873 г.). Это была временная комбинация, которую Бисмарк смог, однако, использовать для укрепления европейских позиций молодой Германской империи. Более всего он опасался — и тогда и впоследствии — связать себе руки. Еще тогда, когда основа союза трех императоров только закладывалась, Бисмарк стремился не допустить, чтобы русская дипломатия навязала ему какие-либо обязательства. Во время пребывания в Берлине Александра II, Франца-Иосифа и их первых министров он говорил английскому послу лорду Росселю: «Андраши мил и весьма понятлив. Что касается этого старого дурака (!) Горчакова, то он действует мне на нервы своим белым галстуком и своими претензиями на остроумие. Он привез с собою белую бумагу, много чернил и писцов, и он хочет здесь писать!.. Но я не обращаю на это никакого внимания». В союзе трех императоров Бисмарк стремился обеспечить международное положение Германии, сложившееся после Франкфуртского мира. Он стремился использовать не только свое политическое сближение с обеими империями, но и противоречия между ними. Не в меньшей мере он стремился использовать и более значительное противоречие между Россией и Англией, уже тогда развернувшееся на Ближнем Востоке и в Средней Азии. В этом плане отношения Бисмарка к России оказались вовсе не столь прямолинейными, как это представляется в его «Мыслях и воспоминаниях».

В тот период Бисмарк напоминал Януса, и притом не двуликого, а имеющего три лица. Взирая с надеждой на Англию,

он поддерживал близкие отношения и с Россией. В разговоре с русскими дипломатами он говорил «с пренебрежением об Англии и равнодушно об Австрии». Поддерживая и прикрывая австро-венгерскую экспансию на Балканы, он одновременно заверял русскую дипломатию: «У нас нет политических интересов на Востоке... Кредит, который мы можем там иметь, должен быть предоставлен как залог в распоряжение той державы, чье доброе расположение нам дорого и нужно. Не чувства, — заверял Бисмарк, — но политический расчет говорит нам, что такой державой является Россия, которая одна могла бы быть нам существенно полезна и дружба которой для нас необходима».

В то время дружба России нужна была Бисмарку для того, чтобы изолировать Францию; Бисмарк с неудовольствием замечал, что Франция досрочно выплатила контрибуцию и приступила к укреплению своей армии. Реакция, утвердившаяся во Франции после разгрома Парижской коммуны, стала готовиться к реваншу. В этой обстановке некоторые влиятельные военные и политические круги Германии, и прежде всего генеральный штаб, начали всерьез думать о возможности новой, на сей раз превентивной, войны против Франции. К этому побуждало и стремление найти выход из экономического кризиса, который настиг Германию внезапно и прервал грюндерский ажиотаж, выросший под золотым дождем французских миллиардов.

Бисмарк не остался безучастным к подобным планам. Позднее в «Мыслях и воспоминаниях» он будет решительно доказывать политическую нелепость идеи превентивной войны. Но тогда он думал иначе. Еще в 1873 г., наблюдая рост французского реваншизма, он стал размышлять на тему о том, что такое современная и что такое превентивная война. Он считал, что выбор момента начала войны крайне важен для достижения конечной победы. Он доказывал, что ни одно правительство не будет настолько глупо, чтобы, уверившись в неизбежности или необходимости войны, пассивно выжидать ее и предоставить противнику возможность по собственному усмотрению выбрать момент для того, чтобы нанести удар. «Немецкий деловой мир, — указывал Бисмарк, — хочет иметь перед собою ясный политический горизонт, и еще перед войной 1870 г. он считался с тем, что возникновение войны принесет ему меньше ущерба, нежели бесконечная угроза, что война вспыхнет». Впоследствии Бисмарк утверждал, что именно деловые круги, и прежде всего биржевики, а также интернациональная пресса повинны в том, что весной 1875 г.

на Европу внезапно, как тяжелая туча, снова надвинулась опасность войны.

В «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк неоднократно возвращается к этому, казалось бы, незначительному эпизоду дипломатической истории. Этот факт имеет свое объяснение: здесь «железного канцлера» постигла первая крупная внешнеполитическая неудача, тем более для него досадная, что она сразу обнаружила основную опасность, которая, как дамоклов меч, нависла над Германской империей. Это была опасность борьбы на два фронта.

Дипломатическая подготовка превентивной войны против Франции, проведенная в самом начале 1875 г., не принесла желаемых результатов. Бисмарк понимал, что, не заручившись нейтральной позицией России, генерал Мольтке не сможет совершить свой вторичный победный марш на Париж. Чтобы прощупать позицию, которую может занять Россия, Бисмарк послал в Петербург молодого дипломата Радовица. Последний заверял царя и Горчакова, что «Германия стремится быть полезной русской политике, и во всех вопросах, т. е. вопросах, которые для России имеют особое значение, она стремится присоединиться к ее взглядам». Вскоре германская пресса, инспирированная Бисмарком, забила в барабан. Парижская пресса, инспирированная своим правительством, закричала на весь мир о грозящей Франции военной опасности. Французская дипломатия явно интриговала и в Лондоне и в Петербурге. И тут Бисмарк вскоре убедился, что его обещания, данные в Петербурге, оказались недостаточными. Он убедился также, что его расчеты на благоприятную позицию России довольно необоснованны. Когда Александр II вместе с Горчаковым приехал в Берлин за объяснением по поводу поднятой военной шумихи, Бисмарку пришлось дать заверение, что о войне ни один серьезный человек в Германии и не помышляет. Вмешательство Горчакова Бисмарк объяснил личными мотивами, и в «Мыслях и воспоминаниях» читатель найдет много острых стрел, пущенных по адресу тщеславного русского канцлера, который постарался подчеркнуть свою легкую дипломатическую победу, одержанную над Бисмарком¹. «Я никогда не предполагал, — сказал Бисмарк несколько позднее, — что Горчаков выступит в роли миротворца на наш счет, и

¹ В «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк особенно негодует по поводу той формы, в которой Горчаков анонсировал свою победу, разослав телеграмму: «Теперь мир обеспечен». В этой связи можно отметить одну любопытную деталь. Громы и молнии военной тревоги уже затих-

если бы я был злопамятным человеком, то я запечатлел бы это в своем сердце».

Бисмарк несомненно запечатлел это. Еще и еще раз возвращается он к этому эпизоду, стремясь придать ему характер исключительно личной интриги русского канцлера. Бисмарк неистовствовал потому, что его неудача носила, прежде всего, политический характер. Он понял, что в случае войны с Францией Германия больше не может рассчитывать на нейтралитет России. Самое неприятное заключалось в том, что почти одновременно с Россией и по тому же поводу имело место и дипломатическое вмешательство Англии. Таким образом, вместо желанной изоляции Франции обнаружились симптомы возможной изоляции Германии, в случае если она предпримет новую войну. Было ясно, что союз трех императоров — группировка, на которую Бисмарк пытался опереться, — дал трещину. В этих условиях английская дипломатия заранее ожидала, что Бисмарк будет искать сближения с нею. Так оно и было. В самом начале января 1876 г. Бисмарк убеждал английского посла в Берлине, что в интересах Англии — укреплять отношения с такой мощной и миролюбивой европейской державой, какой является Германия. Он заметил при этом, что Германия, не имея собственных интересов на Ближнем Востоке, готова предоставить там свое влияние в распоряжение дружественной державы. В Англии эти слова Бисмарка расценили как предложение о союзе. Ответа пока не последовало, и таким образом бисмарковское предложение повисло в воздухе.

Осложнения, возникшие на Балканском полуострове в

ли, но Бисмарк все еще продолжал неистовствовать по поводу своей неудачи. Когда в беседе, состоявшейся много месяцев спустя, в декабре 1875 г., русский посол Убри сообщил Бисмарку о решениях, принятых в Петербурге «по восточному вопросу» (очевидно, в связи с восстаниями в Боснии и Герцеговине), Бисмарк прервал его словами, исполненными сарказма: «Теперь мир обеспечен». На недоуменное замечание, повидимому, несколько растерявшегося Убри Бисмарк ответил: «Я в шутку посоветовал князю Горчакову выступить в Петербурге в защиту мира. Ведь в бытность его летом в Берлине он высказался в таком смысле и даже дошел до того, что послал телеграмму германским дворам, которая была даже опубликована в Карлсруэ...» Убри пришлось возразить Бисмарку, стремившемуся «высказать все, что у него накипело», что пресловутая циркулярная депеша Горчакова не была предназначена для печати и что она была адресована не германским дворам, а русским миссиям... «Я не припоминаю, — заявил далее Убри, — чтобы указанная депеша заключала слово «теперь». — «Она и не заключала его», — пометил Горчаков на полях донесения Убри. Это донесение, до сих пор не опубликованное, хранится в Москве в Государственном архиве внешней политики.

связи с восстанием в Боснии и Герцеговине (1875 г.), были для Бисмарка сущим даром богов. Внимание всех европейских держав, прежде всего России, а затем и ее соперников — Австрии и Англии, было приковано к Ближнему Востоку. Это сразу укрепило международное положение Германии. Но это означало, что союз трех императоров развалился. Пришлось искать новые комбинации. В 1876 г., готовя войну на Балканах, Александр II запросил, какова будет позиция Германии в случае войны между Россией и Австрией. Ответ, продиктованный Бисмарком, гласил: Германия будет сожалеть, если такая война вспыхнет; однако, если это все же случится, Германия вынуждена будет выступить на стороне той державы, которая окажется более слабой. В Петербурге поняли это так, что Германия не допустит разгрома Австрии. Таким образом, предположения царского правительства относительно позиции Германии не оправдались. Вскоре выяснилось, что столь же не оправдались и предположения Англии, но уже по другому поводу.

Когда положение на Ближнем Востоке обострилось в еще большей степени и в воздухе запахло порохом, Дизраэли решил, что настал момент для «реальных сделок» («real business»). Он высказался за то, что Германии следует предложить союз против России. Взамен Англия должна была гарантировать Германии неприкосновенность Эльзаса и Лотарингии. Бисмарк добивался гарантии западных германских границ и полной изоляции Франции на европейской арене. Но английские планы были для него неприемлемы, а цена за союз с Англией непомерно высока. Проект Дизраэли об англо-германском союзе означал, что Германия неизбежно была бы вовлечена в войну на два фронта — против России и тотчас же подоспевшей за нею Франции, и все это во имя интересов Англии на Ближнем Востоке. Как образно выразился Бисмарк впоследствии по другому поводу, он не хотел быть «гончей собакой, которую Англия натравливает на Россию». В ноябре 1876 г. он заметил в одном секретном документе: «Предоставим Англии, а также, возможно, Австрии самим для себя таскать каштаны из огня. Незачем нам брать на себя заботы других держав, — у нас и своих достаточно».

К концу 70-х годов, в связи с усилившейся борьбой европейских держав за раздел мира, международная обстановка стала еще более сложной, отношения стали еще более противоречивыми, а политических «забот» у Бисмарка стало еще больше. Как-то во время болезни он сделал набросок идеального, по его мнению, положения Германии: никаких новых

территориальных приобретений, но общая политическая ситуация должна быть такой — все державы, каждая в отдельности, за исключением Франции, нуждаются в Германии, но противоречия между ними настолько велики, что создание общей коалиции против Германии становится невозможным делом. Разумеется, идеи, развитые в этом наброске, никогда не были осуществлены, хотя, по правде говоря, Бисмарк немало потрудился, чтобы способствовать усилению трений между европейскими державами. При этом он стремился никогда не потерять и своего контроля над событиями, которые иначе могли бы поглотить и всю его систему в области внешней политики. Впрочем, в этом отношении он ничем не отличался и от всех других политических деятелей своего времени.

Несколько позднее, в конце 70-х годов, стремясь по возможности приглушить реваншистские тенденции во Франции, Бисмарк начал поддерживать активную колониальную экспансию французской буржуазии. Он знал, что на этом пути Франция столкнется с Англией (в Индо-Китае, а главное — в Египте) и с Италией (в Тунисе). Вместе с тем он поддерживал и Англию и Италию как колониальных соперников Франции. Еще ранее он начал подталкивать на Ближнем Востоке и царскую Россию и габсбургскую Австрию. Но здесь он, однако, стремился не довести дело до войны. Он считал, что взаимное соперничество этих держав усиливает позицию Германии, а военная победа одной из этих держав над другой чревата для Германии опасностями. Он никогда не питал иллюзий, что Австрия в единоборстве с Россией окажется победительницей. Но он опасался, что в случае победы России над Австрией Германия, в известной мере, попадет в зависимое положение от своей восточной соседки. Поэтому он не хотел допустить поражения Австро-Венгрии. В ней он видел противовес России. Вместе с тем он не отказывался от мысли использовать при случае и другой противовес — Англию. В лавировании между всеми этими противоречивыми интересами главнейших европейских держав, но при точном учете своих собственных политических интересов, и заключалась роль Бисмарка — «честного маклера» на Берлинском конгрессе. Здесь, на этом конгрессе, и даже еще до его открытия, русский царизм, несмотря на военную, правда, с трудом добытую победу над Турцией, должен был отказаться от многих своих первоначальных завоеваний¹.

¹ Берлинскому конгрессу предшествовало заключение мирного договора с Турцией, продиктованного Россией после победоносной для

В этом нашла свое выражение общая историческая тенденция падения политического влияния царской России на международной арене. Берлинский конгресс обнажил антагонизмы, развертывавшиеся между европейскими державами. Нарастание этих антагонизмов не позволило Бисмарку далее продолжать его прежнюю линию. Перед Бисмарком встал вопрос: с кем идти? Его выбор пал на Австро-Венгрию.

В «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк подробно объясняет причины этого исторического решения. Он забывает, однако, отметить два весьма существенных факта, из коих один имеет значение для понимания исторической обстановки, другой — для понимания его собственных политических планов и методов. Бисмарк не отмечает, какую роль к этому времени начали играть экономические противоречия, нараставшие со второй половины 70-х годов между правящими классами Германии и царской России. Переход к протекционистской системе еще более обострил экономическую борьбу господствующих классов России и Германии. Династические связи, существовавшие между Россией и Германией, не могли выдержать напора этих новых антагонизмов. Император Вильгельм и его окружение упорно отвергали проект союза с Австро-Венгрией, так как они видели в нем инструмент, направленный против России. Бисмарк сломил сопротивление императора, но он не рассказывает полностью, каковы были его аргументы. Они — мы это знаем теперь из соответствующих документов — были многообразны. Но в данном случае обращает на себя внимание один: Бисмарк доказывал, что, заключив союз с Австро-Венгрией, Германия сможет легче добиться союза и с Англией.

Это не были пустые слова. Осенью 1879 г. Бисмарк снова запрашивал Англию, не согласна ли она пойти на союз с Германией. Дизраэли ответил, что правящие круги Англии смотрят на Германию и на Австро-Венгрию, как на своих

нее войны 1877—1878 гг. в Сан-Стефано, под Константинополем, 3 марта 1878 г. По Сан-Стефанскому договору, Россия добилась независимости Сербии, Румынии и Черногории от Турции, создания Болгарского княжества от Черного до Эгейского моря, возвращения Бессарабии, присоединения Карса, Батуми, Ардагана и Баязета. По настоянию Англии и Австрии Сан-Стефанский договор был пересмотрен на Берлинском конгрессе, заседавшем под председательством Бисмарка 13 июня—13 июля 1878 г. Согласно решению Берлинского конгресса Болгария делилась на три части, две из которых — Восточная Румелия и Болгарская Македония — оставались по-старому под полной властью Турции. Уступленные России по Сан-Стефанскому договору долина Алашкерт и г. Баязет в Малой Азии возвращались обратно Турции.

естественных союзников, и охотно осуществили бы этот союз. Центральный вопрос, указывал он далее, заключается в том, какова будет позиция Франции в случае, если Германии придется воевать на востоке против России. Но тогда, заверял он, Германия может быть спокойна: не будучи уверена в благоприятной позиции Англии, Франция не посмеет ударить в тыл Германии, а что последняя не нападет на Францию, добавил он не без иронии, это само собой разумеется. Дизраэли подчеркивал, что самые влиятельные круги Англии, включая королеву Викторию и принца Уэльского, знают только одного врага — Россию. Похоже было на то, что Англия под видом союза пыталась натравить Германию на Россию. Бисмарк явно не удовлетворил ответ Дизраэли. На донесении германского посла в Лондоне Мюнстера, сообщавшего, что в случае войны между Германией и Россией Дизраэли обещает сдерживать Францию, Бисмарк написал: «И больше ничего?» В другом месте Мюнстер сообщал из Лондона: «Война против России была бы здесь популярной, и ее считают более безопасной для Англии». Против этих слов Бисмарк написал: «Но не для Германии». Бисмарк понимал, какие трудности представляет война с Россией, и он не видел оснований к тому, чтобы Германия в нее ввязалась. Уяснив себе это, он вышел из игры. Бисмарк подписал в 1879 г. союзный договор с Австро-Венгрией, которой гарантировал вооруженную помощь в случае войны с Россией. Со своей стороны Австро-Венгрия, предоставляя Германии помощь в случае войны с Россией, обязалась соблюдать нейтралитет в случае войны с Францией. Менее чем через три года Бисмарк застраховал себя против Франции также и союзом с Италией. Таким образом возник Тройственный союз.

Однако еще ранее, едва подписав союз с Австро-Венгрией, Бисмарк снова начал готовить политическую почву для сближения с Россией. На первых порах из этого ничего не вышло, так как с русской стороны пытались добиться такого соглашения, которое было бы направлено против Австро-Венгрии. Бисмарк на это не пошел. В дальнейшем из политической реторты была извлечена старая, уже однажды поблекшая идея солидарности монархических интересов трех восточных империй. После убийства Александра II (1881 г.) эта идея снова оказалась актуальной, и Бисмарку удалось на короткий срок возродить союз трех императоров. В рамках этого союза ему удалось предотвратить столкновение своей австрийской союзницы с Россией — столкновение, которое неминуемо могло бы втянуть Германию в войну с Россией. Между

тем он этой войны не хотел. Далее, в рамках союза трех императоров ему удалось задержать сближение, которое уже явно намечалось между Россией и Францией. Таким образом, он упорно стремился отвлечь опасность войны с Россией, которая неизбежно для Германии превратилась бы в войну на два фронта. Наконец, застраховав себя на востоке, Бисмарк, понукаемый уже возросшими к этому времени интересами экспансии германского капитала, встал на путь активной политики колониальных приобретений.

На этом пути его поджидали серьезные политические и дипломатические осложнения. Англия ревностно следила за колониальной политикой молодой Германской империи и, как только могла, препятствовала ей. Так обнаружилась первая вспышка англо-германских противоречий на колониальной арене. Германский канцлер, сердцу которого юнкерские интересы были все еще ближе, сначала неохотно принялся за приобретение колоний, но затем он поддался влиянию некоторых финансовых кругов и крупных торговых компаний. Раз встав на этот путь, он сразу взял высокий тон. На препятствия, чинимые германской колониальной политике в Африке, он готов был ответить разрывом отношений с Англией. Вместе с тем он демонстрировал в тот момент свою готовность идти на сближение даже с Францией, поскольку это ухудшало позицию Англии в колониальных вопросах. Своей твердой политикой в отношении Англии он добился сравнительно многого. Если в 1885—1886 гг. он вынужден был все же свернуть свою политику колониальных приобретений, то в значительной мере потому, что в Европе развернулись события, которые могли втянуть Германию в войну на два фронта.

Соперничество на Балканах между Россией и Австро-Венгрией, особенно обострившееся в это время в связи с их борьбой за влияние в Болгарии, окончательно развалило союз трех императоров. На юго-востоке Европы, таким образом, снова вспыхнула опасность войны между Австро-Венгрией и Россией. С другой стороны, рост буланжизма¹ во Франции вызвал угрозу войны-реванша. Но если на Балканах Бисмарк стремился предотвратить назревавший конфликт между своей австро-венгерской союзницей и Россией, то на западе он в тот момент сам готов был раздувать опасность войны. Это имело основания в области внутренней, а также и в области внешней политики. Выборы в рейхстаг, проведенные в обстановке

¹ Буланжизм — реакционно-шовинистическое и реваншистское движение во Франции во второй половине 80-х годов, названное по имени возглавлявшего это движение генерала Буланже.

«военной тревоги», дали канцлеру более послушное парламентское большинство и развязали ему руки в отношении дальнейших вооружений. С другой стороны, Бисмарк надеялся на то, что Россия, занятая своей борьбой за влияние в Болгарии, не будет чинить ему препятствий на западе. Если в таких условиях французские реваншисты бросают Германии вызов, почему бы его не принять? Почему бы не воспользоваться условиями и не провести неизбежную войну? Несмотря на продолжавшееся с обеих сторон обострение отношений, дело до войны между Францией и Германией не дошло. Во Франции буланжистское движение вскоре начало затихать. С другой стороны, Германия могла убедиться, что в случае своего нападения на Францию она едва ли может надеяться на нейтралитет России. Как и в 1875 г., военная тревога, на сей раз более острая и продолжительная, пошла на убыль.

Последние пять лет пребывания Бисмарка у власти были периодом его наибольшей дипломатической активности. Наращение империалистических интересов в ряде крупнейших европейских стран, погоня за новыми колониальными приобретениями — все это усложняло старые и порождало новые антагонизмы. Приходилось считаться и с тем, что во внешней политике ряда европейских государств начали все более явственно проступать новые тенденции. Непродолжительное сближение между Германией и Францией уже закончилось к весне 1885 г. Одной из основ этого сближения являлись параллельные интересы в области колониальной политики; на этом пути у обеих держав начались неизбежные трения с Англией. Отставка кабинета Жюль Ферри знаменовала, что Франция откажется от антианглийского курса своей политики и что идеи реванша снова выплывут на передний план. С другой стороны, в России усилилась агитация за сближение с Францией. Агитация эта питалась не только противоречиями, которые развертывались на Балканах между Россией и германской союзницей Австро-Венгрией, но и усилившейся экономической борьбой между господствующими классами царской России и Германии. В интересах прусских аграриев Бисмарк проводил такую таможенную политику, которая могла только обострить отношения между Россией и Германией. Начавшееся проникновение германских капиталов на Ближний Восток также в известной степени охлаждало отношения между этими двумя державами. Свернув колониальную политику Германии и урегулировав некоторые возникшие на этой почве спорные вопросы, Бисмарк расчистил путь

к улучшению отношений с Англией. Вместе с тем нужно было продолжать борьбу за предотвращение союза между Россией и Францией, за улучшение отношений с восточной соседкой. Но это было не так просто. Соперничество между Англией и Россией на Ближнем Востоке и в особенности в Средней Азии поставило эти державы, по выражению Ленина, на волосок от войны. Соперничество между Австро-Венгрией и Россией на Балканах не уменьшилось. Бисмарковская Германия подталкивала царскую Россию в обоих направлениях, считая, что это отвлечет последнюю от европейских дел. Английская «Таймс» весной 1885 г. бросила Бисмарку обвинение в том, что он сознательно стремится обострить отношения между Россией и Англией, что он разжигает между ними войну. Бисмарк считал, что это обвинение инспирировано из французских источников, заинтересованных в том, чтобы воздействовать на Англию в антигерманском духе. В этой связи он представил императору Вильгельму свои соображения по существу вопроса. «У Германии, — писал Бисмарк, — нет никаких интересов препятствовать тому, чтобы Россия, которая должна же предоставить своей армии где-то действовать, искала этой возможности лучше в Азии, чем в Европе». При всей напряженности отношений, существовавших тогда между Англией и Россией, Бисмарк считал, что со временем сближение между этими державами не исключено. Более того, он даже не исключал возможности в будущем союза между ними. Однако в этом он видел страшную для Германии опасность, которую необходимо всеми силами предотвратить. «Поэтому, — считал Бисмарк, — германская политика должна ближе подойти к попытке установить между Англией и Россией скорее враждебные, нежели слишком интимные отношения». Это было сказано по крайней мере откровенно. В этой сложной обстановке нагромождающихся противоречий Бисмарк создал вокруг Германии новую разветвленную систему дипломатических отношений. Подтачиваемая внутренними антагонизмами, эта система в существенных своих звеньях начала распадаться еще в период отставки Бисмарка. Многие историки склонны видеть в ней виртуозное достижение дипломатического искусства Бисмарка.

В 1887 г. истек срок Тройственного союза. Возобновив договор на новый срок, Бисмарк тем самым укрепил свои отношения с Австро-Венгрией и Италией. Как и раньше, одно острие этого союза было направлено против России, другое — против Франции. В отличие от прежнего договора Бисмарк согласился удовлетворить претензии итальянского правитель-

ства и поддержать его колониальные требования в Африке. В переговорах он соглашался предоставить Италии не только Тунис, но и Корсику и Ниццу. Несколько позднее между Германией и Италией была подписана военная конвенция, которая предусматривала, в случае войны против Франции, использование итальянских войск на западной германской границе. В то же время, продолжая свою линию, рассчитанную на изоляцию Франции, и стремясь не допустить такого положения, когда Германии придется воевать на востоке и на западе, Бисмарк снова пытается укрепить отношения с Россией. Инструмент, существовавший в течение нескольких лет — союз трех императоров, фактически отказал. Союз распался, не выдержав напора заключенных в нем противоречий между Россией и Австро-Венгрией. В 1887 г. срок договора истек, и царское правительство не пожелало более его возобновлять. Бисмарк постарался тогда заменить его новым договором. Он ознакомил русскую дипломатию с содержанием секретного договора, заключенного им с Австро-Венгрией. Затем, на сей раз за спиной своей союзницы, он предложил России заключить новый договор — двусторонний. Договор предусматривал взаимный нейтралитет России и Германии, в случае если одна из держав будет вовлечена в войну. Предусмотрено было, что договор потеряет силу, в случае если Россия нападет на Австро-Венгрию или если Германия нападет на Францию. В результате положение Германии было таково: союз с Италией страховал ее на случай войны с Францией, союз с Австро-Венгрией страховал ее на случай войны с Россией. Теперь договором с Россией Бисмарк перестраховался и с этой стороны (отсюда и обычное название «договор о перестраховке»). Этим секретным договором Бисмарку удалось на время предотвратить назревавший союз между Францией и Россией. Царская дипломатия потребовала оплаты, и Бисмарк охотно пошел на это. В особом протоколе были сформулированы обязательства Германии «сохранять доброжелательный нейтралитет и оказать моральную и дипломатическую поддержку» России, в случае если она найдет нужным «принять меры к защите входа в Черное море» (п. 2). Протокол этот носил сугубо секретный характер, и потому весь договор иногда называют «договором с двойным дном». Правильней было бы, однако, назвать предложенную комбинацию «договором с пробитым дном», ибо реально все было сделано для того, чтобы обещанная России компенсация не могла быть осуществлена на деле. В «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк об этом не говорит ни слова. Только в одном

месте он намекает на это обстоятельство: он говорит, что не в интересах Германии мешать России растрачивать ее силы на Ближнем Востоке. Дело же заключалось в том, что Бисмарку в этом вопросе удалось установить, хотя и не непосредственно, закулисный контакт с Англией.

Инициатива исходила от Англии. Это было время очень острых ее противоречий с Россией. Лондонское правительство озабочено было перспективой войны с Россией в связи с борьбой за раздел в Средней Азии. Еще летом 1885 г. лорд Рандольф Черчилль, занимавший пост статс-секретаря по делам Индии, в беседе с Вильгельмом Бисмарком (вторым сыном канцлера) высказался о желательности англо-германского союза, направленного против России. Молодой Бисмарк, повидимому, уклонился от обязывающих заявлений. Позднее, в декабре того же года, Черчилль обратился с тем же предложением к германскому послу в Лондоне Гацфельду. «Мы с вами вдвоем могли бы управлять всем миром», — говорил Черчилль. Бисмарка подобная многообещающая приманка не соблазнила. Он сразу увидел в ней ловушку: «Мы и теперь готовы были бы, — указывал Бисмарк, — охотно помочь Англии во всех вопросах. Но мы не можем ради этого жертвовать нашими хорошими отношениями с Россией. Наши границы на востоке имеют слишком большую протяженность, чтобы мы могли поставить себя в такое опасное положение, когда нам, в случае войны с Францией, придется половину нашей армии бросить на защиту восточной границы». Планы Рандольфа Черчиля об использовании Германии для войны против России имели довольно широкое распространение в руководящих правительственных кругах Англии.

Германская дипломатия с самого начала поняла сокровенный смысл многообещающих английских предложений о союзе. Летом 1886 г. лорд Розбери — министр иностранных дел — снова убеждал германского посла Гацфельда в том, как необходим для Германии союз с Англией. Сообщая об этом в Берлин, Гацфельд дал следующие комментарии: «Это снова все те же расчеты, с которыми я здесь уже многократно встречался, — а именно: то Австрия, то Германия призваны в случае нужды таскать для Англии каштаны из огня». Уклоняясь от союза с Англией, смысл которого был разгадан, Бисмарк, в особенности в последние годы своего канцлерства, все же искал сближения с нею. Сближение это, однако, принимало своеобразные формы. И Англия и Германия — каждая из них стремилась подтолкнуть другую на первую линию огня в борьбе против России. Бисмарк ни-

как не хотел, чтобы Германия попала в такое положение, когда ей придется «таскать каштаны из огня» в интересах Англии, но он отнюдь не возражал, чтобы сама Англия принялась за это занятие.

Первое могло случиться, если бы Германии пришлось выступить в защиту Австро-Венгрии, против России. Бисмарк рассчитывал, что эту опасность он всегда сумеет предотвратить. «Возникновение войны, — признался он однажды в конце 1887 г., — зависит вовсе не от того, нападет ли Россия на Австрию». Бисмарк видел и другие возможности: «Возникновение войны зависит от позиции, которую по отношению к России займет Англия: возьмет ли она на себя роль рабочего быка или ожиревшего, страдающего от удушья». Своим «сближением» с Англией Бисмарк и стремился подтолкнуть английского быка к более активным и притом самостоятельным действиям. Бисмарк считал это очень выгодным для Германии. «Если Англия, — признавался он тогда же, — окажется рабочим быком, то не только будет парализован французский флот, но против России пойдут и турки». В этих словах Бисмарк по существу раскрыл смысл незадолго до того созданной новой международно-политической комбинации, а еще более — свое отношение к ней.

Не добившись союза с Германией, английское правительство должно было идти на соглашение с Австро-Венгрией и Италией (1887 г.). Это соглашение, известное ныне под названием «средиземноморской Антанты», направлено было против русских устремлений к проливам и одновременно против французских колониальных домогательств в Средиземном море. Германия к этому соглашению не примкнула, но Бисмарк участвовал в создании и дальнейшем укреплении этой Антанты. Теперь понятно, почему он согласился положить на «второе дно» секретного перестраховочного договора обещания содействовать русским в вопросе о проливах. Он знал, что на этом пути Россия встретит противодействие со стороны Англии. Более того, он сам закулисно налаживал сотрудничество между Англией, с одной стороны, Австро-Венгрией и Италией — с другой. Таким образом, добившись от России нейтралитета в случае нападения Франции на Германию, он ничего, собственно говоря, не платил, но зато он предотвращал возможный союз между Францией и Россией. С другой стороны, он загонял царскую Россию, по его собственным словам, «в мышеловку». Англо-русская война могла бы предоставить Германии значительные преимущества. Перестраховав Германию договором с Россией против Франции,

он пытался застраховать Германию сближением с Англией против России.

К этому сближению с Англией его толкали не только требования определенной части германской буржуазии, считавшей, что это облегчит доступ германским товарам на мировые рынки. К сближению с Англией его толкали не только неприязненные отношения с Францией, — к этому его толкало обострение противоречий между Германией и царской Россией. В интересах прусского юнкерства Бисмарк продолжал повышать тариф на хлеб и тем самым установил высокий таможенный барьер для русского экспорта. Со своей стороны, царское правительство вело острую экономическую борьбу против Германии. Оно беспрестанно вводило высокие запрительные тарифы на товары германского происхождения. Оно начало бойкотировать германские порты. Стремясь сохранить блок прусских аграриев и немецкой буржуазии, Бисмарк должен был защищать экономические интересы этих классов. Он должен был бороться против русской конкуренции на хлебном рынке Германии и других стран. Он должен был пробивать дорогу германским товарам и германским капиталам на русский рынок. По существу между Россией и Германией разворачивалась экономическая война. Это находилось в полном противоречии с внешней политикой Бисмарка, преследовавшего цель предотвратить подлинную войну Германии с Россией. Бисмарковская система «перестраховки» была, таким образом, лишь сложной дипломатической конструкцией, воздвигнутой на взрывающейся почве экономических конфликтов. Она отодвигала назревавший конфликт, отражавшийся в сфере *политических* отношений, но не устраняла его опасность. Несмотря на подписание перестраховочного договора (он оставался секретным), и германская и русская пресса вели друг против друга ожесточенную кампанию, которая свидетельствовала об обострении отношений между двумя странами. В руках Бисмарка одним из орудий улучшения отношений с царской Россией являлись финансовые займы, предоставляемые германской биржей. Открывая царскому правительству доступ на германский денежный рынок, Бисмарк тем самым в некоторой степени задерживал ухудшение русско-германских отношений. Займы, предоставленные в середине восьмидесятых годов, сыграли в этом смысле немалую роль. Однако в 1887 г., в ответ на введение в России протекционистского тарифа, Бисмарк решил закрыть царскому правительству дальнейший доступ на германский денежный рынок. Бисмарк надеялся,

что подобного рода давление сделает тогдашнюю Россию более податливой в отношении экономических требований Германии. Он просчитался. Царское правительство ответило на это репрессиями, направленными против немцев и немецких капиталов в России. Нуждаясь в деньгах и узнав, что дзери берлинских банков перед ним закрыты, царское правительство обратилось на французский денежный рынок. Это ускорило сближение между русским царизмом и французской биржей. На горизонте европейской политики обрисовались первые контуры будущего франко-русского союза.

В этих условиях в самом начале 1889 г. Бисмарк делает еще одну попытку более тесного сближения с Англией. Он предлагает английскому премьеру Сольсбери заключить союз между Германией и Англией. Формально острие союза предполагалось направить против Франции. Какие цели преследовал Бисмарк этим предложением?

В своей только что вышедшей книге «Германия между Россией и Англией» немецкий историк Вильгельм Шюсслер высказывает предположение, что Бисмарк в данном случае преследовал две цели: во-первых, он стремился сближением с Англией воздействовать на Россию, чтобы заставить ее продлить истекавший «договор о перестраховке»; во-вторых, если бы это не удалось и разрыв с Россией состоялся, Бисмарк стремился застраховать Германию союзом с Англией против России. В этом Шюсслер склонен усматривать огромный успех бисмарковской политики, осуществить которую полностью не удалось ввиду отставки канцлера.

Но об успехах обычно судят по их результатам. Сложные дипломатические комбинации Бисмарка окончились неудачно. Незадолго до своей отставки, в августе 1889 г., Бисмарк на заседании прусского министерства признался, что на протяжении десяти лет задача германской политики заключалась в том, чтобы привлечь Англию к Тройственному союзу. Бисмарк считал, что осуществить это возможно только в том случае, «если Германия будет снова и снова подчеркивать свое равнодушие по отношению к восточным вопросам». «Но если Германия поссорится с Россией, — заявлял Бисмарк, — то Англия будет сидеть смирно, предоставив Германии таскать для нее каштаны из огня». Однако Англия, привыкшая воевать чужими руками, на другой союз и не хотела идти. На предложение Бисмарка Сольсбери ответил вежливым отказом. Бисмарку пришлось сделать огромные усилия, чтобы, в условиях обострившихся экономических противоречий с Россией, сохранить политический «провод», соеди-

нявший Россию и Германию. Он всячески стремился добиться восстановления «договора о перестраховке». Иначе вся его система, воздвигнутая с таким искусством в течение двух десятков лет, была бы разрушена. «Я вполне понимаю, — поведал он накануне отставки русскому послу в Берлине Павлу Шувалову, — что если бы мы роковым образом оказались втянутыми в войну с Францией, то, в случае нашего успеха, Россия в известный момент сказала бы нам: «Стоп!», и мы бы остановились». Но, потерпев неудачу в переговорах с Англией, он тем более энергично должен был добиваться возобновления договора с Россией. Ему пришлось вести борьбу с проанглийским влиянием части германской буржуазии, с некоторыми придворными кругами, а также с генеральным штабом, который считал тогда войну с Россией неизбежной и хотел ее ускорить.

После того как ясно стало, что внутренняя политика Бисмарка, связанная с исключительными законами против социалистов, потерпела крушение, положение Бисмарка явно пошатнулось. Чтобы укрепить свое положение, он стал еще более яростно добиваться укрепления отношений с Россией, но это вызвало подозрение даже у Шувалова. «Я задаюсь также вопросом, — сообщал Шувалов в Петербург в марте 1890 г., — не является ли утверждение Бисмарка, что причиной его ухода служит, между прочим, то обстоятельство, что император считает его руссофилом, лишь своего рода маневром, имеющим целью вызвать с нашей стороны демонстрацию, которую он мог бы использовать как доказательство того, что он один является гарантией добрых отношений между нашими государствами».

После того как воздвигнутая система перестраховок рухнула, Бисмарк, находясь в отставке, еще более убедился, какая опасность грозила Германии, когда ее отношения с Россией ухудшились. Вместе с тем можно предполагать, что именно неудачи его попыток сближения с Англией послужили побудительной причиной того, что в своих «Мыслях и воспоминаниях» он обошел молчанием те страницы своей внешнеполитической и дипломатической деятельности, которые заполнены были его переговорами с Англией. Но даже идя на сближение с Англией, он никогда не хотел довести дело до войны между Германией и Россией.

Обозревая в своем политическом завещании опасности, грозившие самому существованию Германской империи, Бисмарк останавливался на одной: главную опасность для Германии он видел в столкновении с Россией. Он отрицал

наличие таких противоречий между царской Россией и Германией, которые заключали бы в себе «неустранимые зерна конфликтов и разрыва». Разумеется, это не совсем верно. Между правящими классами царской России и гогенцоллерновской Германии существовал ряд весьма существенных противоречий экономического и политического порядка. Но характерно, что в своем политическом завещании Бисмарк считал необходимым отодвигать их на задний план. Необходимость защиты интересов Австро-Венгрии в конце концов также, повидимому, отошла бы на задний план, если бы перед Бисмарком был поставлен ребром вопрос о войне с Россией. По свидетельству Гацфельда, Бисмарк неоднократно говорил в кругу наиболее близких ему людей, что на случай войны с Францией у него всегда имеются средства «даже в последнюю минуту приобрести нейтралитет России, — бросив Австрию и передав таким образом России Восток». Намеки относительно этой возможности можно уловить и в «Мыслях и воспоминаниях». Бисмарк призывает здесь вести «правильную политику», исходя из которой он советовал: «Не терять из виду заботы о наших отношениях с Россией, несмотря на то, что мы чувствуем себя достаточно защищенными от нападения России уже существующим Тройственным союзом... Даже если бы эта защита по прочности и длительности была несокрушимой, — указывает далее Бисмарк, — у нас все-таки нет никакого права и никаких оснований ставить германский народ ради английских и австрийских ближневосточных интересов под угрозу тяжелой и неблагодарной войны с Россией, — если этого не требуют наши собственные интересы или опасения за целостность Австрии».

Каковы же были аргументы, которые Бисмарк столь настойчиво выдвигает в пользу политики, направленной к установлению добрососедских отношений с Россией?

Бисмарк много говорит о необходимости для гогенцоллерновской Германии поддерживать династические связи с царской Россией. Для монархиста, каким был Бисмарк, это естественно. Он видел тот животный страх, который испытывали русский царь и его присные при мысли о возможном революционном возмущении народа. Он видел, что война может привести к падению династии Романовых. Однако это было не единственное и тем более не решающее соображение, которое возникало у него при мысли о дальнейшем направлении политики Германии в отношении России.

Как правильно отмечает упомянутый немецкий историк Шюсслер, в основе этой политики Бисмарка было заложено

понимание силы и непобедимости русского народа. Перед взором Бисмарка, любившего, прежде чем бросить взгляд вперед, оглянуться на прошлое, стоял опыт походов в Россию Карла XII и Наполеона I. Оба похода закончились неудачно. Бисмарк видел широкие российские пространства. Он понимал их стратегическое значение и считал, что они непреодолимы для иноземной силы. В «Мыслях и воспоминаниях» он отмечает, что даже при счастливом ходе войны против России никто не сможет уничтожить необъятных возможностей огромной страны.

* * *

В 1890 г. Бисмарк получил отставку и должен был уйти. Личная неприязнь к нему молодого кайзера Вильгельма II сыграла известную, но все же сравнительно второстепенную роль. Он должен был уйти потому, что, в условиях быстрого капиталистического развития воссоединенной им Германии, уже успели вырасти глубокие классовые противоречия между усиливающимся рабочим классом и буржуазно-юнкерским блоком. Введенные им и существовавшие в течение 12 лет исключительные законы против социалистов, разумеется, никак не могли устранить эти противоречия. Противоречия среди правящих классов Германии слишком обнажились, и своей экономической политикой Бисмарк не смог эти противоречия преодолеть. Он не смог в полной мере удовлетворить стремление нарождающегося финансового капитала к экспансии на внешние рынки, к приобретению новых колоний. В условиях складывавшихся империалистических антагонизмов его внешняя политика начала претерпевать известного рода кризис. Он колебался между Россией и Англией, стремился использовать одну державу против другой и в конце концов подготовил такое положение, когда обе эти державы отказали империи в своей поддержке. Помещик из Шенгаузена — основатель Германской империи — был крупным дипломатом, реальным и трезвым политиком. Он сумел в области внешней политики подняться выше своего класса, сумел понять исторические задачи, стоявшие тогда перед Германией, и разрешил их по-своему, но на следующем этапе он не смог освоить новые условия классовых и международных отношений, складывавшихся в период империализма. Великий юнкер снова вернулся в свое поместье. Незадолго до своей смерти он посетил крупнейший порт Германии Гамбург и, глядя на океанские корабли, отправляющиеся в далекий рейс, промолвил: «Да, это другой мир, новый мир...»